

БАРТАЛОМЕЙ СОЛО

**ПУСТЬ
ВСПЫХНЕТ
ПЛАМЯ**

18+

Барталомей Соло

Пусть вспыхнет пламя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36913156

SelfPub; 2020

Аннотация

В мрачном мире будущего, где машина определяет предназначение каждого человека с первых дней его жизни, власть осуществляют могущественные технологичные корпорации. История забыта навсегда. Каждый получает столько, сколько ему необходимо для поддержания жизни. О, бесчувственный мир! Мир законов, цифр и Системы. Здесь у всех нет ничего и лишь у некоторых есть все. В разрывающемся от смрада городе Тридцать Два, в городе мусорных свалок и перерабатывающих фабрик, живет мусорщик по имени Тони. Заурядный, ничем непримечательный парнишка оказывается злостным нарушителем закона, преступая грани дозволенного Системой.

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	51
Глава 4	64
Глава 5	86
Глава 6	101
Конец ознакомительного фрагмента.	111

*Посвящается Свободе. Величайшему дару человечества.
Дару, с которым мы когда-нибудь научимся жить в гар-
монии*

Пролог

Шёл дождь. Опасный в этих местах, едкий. Всем было рекомендовано оставаться дома, но доктор всегда использовал такие моменты себе во благо, знал, что это лучшее время для охоты. Он аккуратно переступал через расставленные собственноручно ловушки. Ружьё с прицелом ночного видения держал наготове. Облачённый в жёлтый плотный плащ с капюшоном, он искусно маневрировал между деревьями, выслеживая свою добычу. Капли медленно стекали по его плащу, падали на землю, разбивались на сотни мелких ядовитых брызг. Небо было белым, дым со всех трёх станций валил не прекращая. Доктор остановился, замер. Прислушался. Где-то на западе было шевеление. Всего в сотне метров, может меньше. Не кабан, не лось, даже не волк. Он мотнул головой, сбрасывая с капюшона капли, развернулся и направился в сторону шума. Он точно знал, кого встретит. Перебегал от дерева к дереву. Шорох всё усиливался, постепенно заглушая шум дождя. Наконец показались они. Трое. Они всегда бродили стаями. Копошились возле гниющей оленихи, которую он оставил тут пару дней назад. Секция номер шесть – полна ожиданий, приносящая лучшие результаты за последние годы.

Доктор удобно пристроился у дерева, заглянул в прицел. Все трое были погружены в трапезу, разрывая плоть, кряхтя

от удовольствия. Окровавленные тупые лица, костлявые руки, хватающие оставшиеся внутренности животного, сгнившая изодранная одежда. Падальщики устроили себе настоящий пир. Доктор прицелился, остановившись на самом здоровом – крупном мужчине лет тридцати пяти. Прицелился в коленный сустав, выстрелил. Тихо, раздался лишь приглушённый шлепок: выстрел сдерживался мощным глушителем. Мужчина опрокинулся навзничь, двое других насторожились, принялись крутить головами, принохиваться. Второй выстрел, тут же третий. Все в цель. Все трое на земле, обездвижены, но всё ещё опасны. Доктор метнулся к ним, мелкими перебежками, не теряя бдительности. Могли появиться другие. Ружьё убрал за спину, приготовил сети – прочные, с металлическими вставками, которые при необходимости могли выдать двести двадцать вольт. Приблизился. Донёсся запах гнили и крови. Здоровый уже отползал в сторону, пытаясь ретироваться. Он выпучил свои жёлтые глаза, уставился на доктора, застонал, но мясо из рук не выпустил. Двое остальных замерли. Где-то в глубине всё ещё гнездилось чувство страха. Доктор бросил сеть на здоровяка, нажал кнопку – сеть стянулась, дала пару пробных разрядов, раздался щелчок. Здоровяк задёргался в электрической трясучке, хотел вскочить, но простреленное колено заставило его со стоном вернуться в лежачее положение. Утихомирился. Двое других попытались атаковать, не вставая, ползком. Бросились в бой, хватаясь пальцами за землю и корни.

Доктор отпрянул, приготовил сеть побольше. Попятился назад, выжидая. Атаковали одновременно, с рыком, с хрипом. Он уклонился, высвободил сеть, сплетая сразу обоих. Дал пару разрядов, чтобы успокоить. Оба оказались в ловушке – дрожали, брыкались, рычали, но в конце концов смирились. Доктор быстро связал между собой сети, натянул металлическую перчатку, пристегнул верёвку к креплению у запястья. Дело было сделано. Он был доволен. Теперь оставалось притащить всех троих в лабораторию, а уж потом с чистой совестью выпить немного виски и послушать хороший джаз.

Часть I

Глава 1

К запаху, который пропитал его одежду и волосы, который был с ним во сне, сопровождал его в дороге, Тони так и не смог привыкнуть. Для человека, обитающего в городе номер Тридцать Два, эта вонь была привычным делом – все делали вид, что нет в этом ничего отвратительного, как будто «аромат» ничем не был хуже того, что царит на берегу моря или в кофейне. Отвратительная вонь, вобравшая в себя букет запахов из запущенной канализации, бытовых и промышленных отходов. Вот что было первой «гордостью» и отличительной особенностью Тридцать Второго. Город мусорщиков, гигантская свалка с десятками одинаковых районов, которые как будто однажды клонировал какой-то ленивый архитектор.

Цех по переработке бытовых металлических отходов номер «86», где работал Тони, был один из десятка подобных в городе. Сюда свозились отходы со всей страны – морем, воздухом и сушей. Автомобили, электроника, техника, гаджеты, металлолом – горы мусора, ожидающего своего часа для переработки, простирались на многие мили, уходя далеко за горизонт. Тысячи единиц тяжёлой техники работали на по-

лях круглые сутки – автономные и управляемые людьми, они смешивались с мелкими андроидами, снующими туда-сюда и делающими самую грязную и сложную работу. Бескрайний вонючий муравейник под жёлто-серым низким небом жил собственной судьбой, по особым законам и правилам, неуклонно вырабатываемым со времён конца Эпохи Упадка.

Виртуозно управляя жёлтым погрузчиком, Тони делал свою привычную работу. Работу, для которой он был рождён. Огромным пневматическим ковшом погрузчик собирал рассортированный металл и погружал его в Яму, где металл этот перерабатывался в сырьё для будущего производства. Тостеры, стиральные машины, телевизоры, части автомобилей – всё это смешивалось в разноцветную массу, чтобы затем попасть в раскалённое жерло. Погрузчик цепкой хваткой сжимал некогда полезные в быту предметы и бросал их в бескрайнюю чёрную бездну.

Тони было двадцать лет – идеальный возраст для самой продуктивной работы на свалке. В этом возрасте было положено работать по десять часов в день – на час больше, чем до шестнадцати, и на три меньше, чем после пятидесяти. Продуктивность измерялась в баллах, так называемом Рейтинге, который присваивался каждому гражданину города Тридцать Два, да и жителям всех прочих городов тоже. Рейтинг этот лёгким свечением проявлялся прямо на лбу – две цифры высотой не более двух сантиметров «красовались», подсвечиваемые диодами, расположенными под кожей. Жёл-

тое, едва заметное свечение выделяло личные цифры Тони – «тридцать пять». Он был невысок – привычного роста для среднестатистического молодого человека, неплохо сложен, статен, если так можно сказать о мусорщике. Он был плечистым и розовощёким, подходящим под разряд людей, из которых хлещет здоровье и сила. Свои русые волосы он стриг коротко – согласно регламенту работы на участках по переработке отходов. На щеках его проступала лёгкая щетина, губы были потрескавшимися от ветра. Глаза у Тони были серые, скулы широкие. В общем, Тони считался типичным представителем своей профессии – ничем не выделяющийся внешне, да и по качествам своей профессиональной деятельности тоже. До передовика труда ему было далеко, столь же далеко, как и до отстающего по показателям рабочего.

Жёлтый погрузчик с рёвом делал своё дело – чётко и профессионально. Тони умело управлял рычагами, нажимал на педали и кнопки. Говорят, что работать на свалках, где покоится техника, великое благо для любого рабочего, ведь здесь можно было найти полезные вещи, которые могли пригодиться в быту. Куда хуже работать среди гниющих отходов, под карканье ворон и нескончаемый смрад гниения. Тони так не считал. Работа для него была адом – каждая минута, проведённая в кабине и за её пределами, тянулась целую вечность. Каждый звук он уже некогда слышал, каждое его действие уже когда-либо совершалось в прошлом. Он работал на свалке с десяти лет, с первого дня, как только активи-

ровал свой ПАЧ. Здесь был его дом, который он ненавидел – каждый закоулок был для него привычен и противен.

Тони вытер вспотевший лоб ветошью и поглядел на механические часы на панели, которые он вытащил из-под груды мусора пару лет назад. Часы в форме странного персонажа – чёрного мышонка в красных шортах – показывали 19:59, а это означало, что пришёл конец очередной смены. Последняя партия мусора отправилась в Яму, и погрузчик на гусеницах медленно поплёлся в сторону стоянки. Десятки жёлтых машин стягивались к месту парковки с разных участков работы. Тони припарковал свой погрузчик среди прочей техники, которая мирно покоилась, ожидая начала следующей смены. Белые андройды суетливо сновали туда-обратно, делая свою работу без устали – подбирали мелкий мусор, переносили какие-то предметы, пылесосили, утрамбовывали металл. Тони бодро прыгнул со ступеней, встретившись взглядом с Майком, специалистом второго класса. С надменной физиономией он осмотрел Тони с ног до головы, оценивающе заострив взгляд на рейтинге.

– Хило работаешь, братец, – ухмыльнувшись, пропел он. Крепкий, басовитый, наглый. Типичный представитель общества, где первую скрипку играла сила, а все остальные качества уныло плелись где-то позади. – Так далеко не уйдёшь. Я на пятую грамоту в этом квартале нагрузил. Не хвастаюсь, не подумай, – он сплюнул на пол и подтянул спадающие джинсы. – Просто засиживаться в специалистах до двадцати

двух – примета не очень себе. Глядишь, на днях меня в бригады перекинут, и тогда, сам знаешь, коэффициент позволит мне дойти до девяноста за каких-то полгода, а там и Остров не за горами.

– Видал я этот Остров, – тихо пробубнил Тони, отряхиваясь. – Вместе с твоими коэффициентами.

– А чё ты кислый такой? – Майк стянул белую каску, протёр платком лысину. Пахнуло потом и луком. – Какой смысл горевать? Работай и работай, пока здоровье есть.

– Вот и работай, – буркнул Тони, захлопнув дверь погрузчика. – А советов я не спрашивал.

– Ну и дуй лесом, – фыркнул Майк. – Со своими тридцатью пятью и рожей вечно недовольной.

Тони не ответил. Общаться с рабочими он не любил – разговоры такие обычно начинались с цифр – сколько тонн, сколько человеко-часов, сколько дней... Когда меряться становилось скучно, они, как правило, переходили на обсуждение дел в цеху – что сказал босс спецу из третьей бригады, кто из троих рабочих положил глаз на новую бухгалтершу, как престарелый бригадир добился своего авторитета... Изодня в день в пивных и на лавках рабочие мусолили одинаковые темы. И под занавес начиналось самое интересное – выплёскивались тайные эмоции – злоба, зависть, ненависть и презрение. Обычные человеческие чувства, таящиеся где-то в глубине, пробуждались алкоголем или провокациями. Часто подобные сборища заканчивались драками. Драка –

это хорошо. Так говорится в кодексе рабочих от две тысячи шестьдесят шестого года, третья редакция. «Драка – удел мужчин, посредством которой выясняются отношения, снимается напряжение и решаются не разрешаемые путём диалога вопросы и проблемы». Точка. Тони покачал головой, вспоминая цитаты из регламентов, уставов, положений, инструкций... Похоже, их писали для дураков. Или для рабочих.

Угрюмая серая масса тянулась в сторону выходов, чтобы покинуть территорию цеха. Одинаковые с виду, рабочие мало чем отличались и внутри. Тони влился в эту толпу, следуя по дорожке к пункту досмотра. Процедура была простой – рабочий проходит через детектор. Первый этап безопасности – выносить ничего не разрешается, хотя единственное, что было на территории цеха, – это мусор. Тони прошёл через металлодетектор, и лампа сделалась зелёной. Всё чисто, хотя он знал пару способов, как пронести через детектор вещи даже внушительного размера. Второй этап – зачисление баллов за рабочий день. Баллы начислялись с учётом сотни параметров, особенности которых постоянно совершенствовались с помощью нейросетей. Среди таких параметров были математические – количество заходов, вес переработанных отходов, время, проведённое на участке; физические – усталость, настрой, состояние здоровья; а также субъективные – рекомендации бригадиров, менеджеров и начальников участков. На основании калькуляции и сложных вычислений

алгоритм позволял заработать за день от трёх десятых до одного балла. Тони приложил запястье, куда был вшит микро-чип, к считывателю. На экране высветились цифры: «0,96». Рейтинг на его лбу тут же сменился на «36». Третий этап – самый сложный. Нужно было пройти по коридору к выходу из здания. Коридор этот был полон рабочих – они собирались вместе, чтобы покурить, обсудить день прошедший и посплетничать. Эта дистанция, длиной в сто метров, каждый раз казалась Тони непреодолимым марафоном. Он двинулся вперёд, начиная свой забег. По обеим сторонам коридора стояли работяги – сотни дымящих ртов, непрерывно болтающих о какой-то ерунде. Он старался смотреть в пол, чтобы не встретиться взглядом со знакомым или соседом. На лбах мелькали рейтинги – «сорок шесть», «пятьдесят один», «семьдесят» ... Его скромные цифры – тридцать шесть баллов – были чуть ли не самыми низкими среди всех, кого ему довелось сегодня встретить. В этот раз всё прошло гладко – ни соседей, ни знакомых ему на пути не попало, чему он был несказанно рад. Сэкономленные полчаса времени грели душу. Тони покинул здание, вырвавшись на свободу.

Служебные автомобили развозили домой руководящий состав – менеджеров, директоров и бухгалтеров. Чёрные отполированные машины одна за другой отъезжали от служебного входа, успевая подхватывать выходящих лиц: говорящих по телефону боссов, несущих тяжёлые сумки счетоводов, доделывающих на ходу работу управленцев. Прочие

сотрудники, в основной массе рабочие, медленно тянулись вдоль по улице. Лица их были грубыми, движения топорными, а глаза померкшими. Всё, чего они желали, – это побыстрее отгарабанить свою смену и вернуться в затхлую конуру, чтобы посмотреть очередной выпуск шестьдесят третьего сезона развлекательного шоу «Битва талантов», а затем провалиться в сон. Так было день за днём. Так будет всегда.

* * *

Тони двигался в сторону остановки, где его, как и других мусорщиков, живущих в северных районах, подбирала электричка. Улица была грязной – жёлтая пыль с неба покрывала всё вокруг. Обрывки газет, банки и пакеты кружили, вздымаемые редкими порывами тёплого ветерка. По обе стороны дороги шёл бетонный забор, прикрываемый сверху колючей проволокой, утыканный через каждые три метра камерами видеонаблюдения. Этот забор надёжно ограждал городскую часть от территории свалки, как будто там было что воровать. На заборе, высотой в шесть метров, виднелись плакаты – призывы увеличивать часы смен, реклама всевозможных телевизионных шоу, рекомендации воздерживаться от незаконного алкоголя и секса ради удовольствия. Плакаты эти обновлялись каждую неделю: потрёпанные и выцветшие сдирались, а на их место вешали новые – яркие и красочные, изображающие счастливые лица людей с высоким рейтин-

гом, которые расплывались в неестественно белых улыбках, обнимались и выглядели счастливыми.

Железнодорожная станция кишела рабочими. Они выстраивались в продолжительные очереди. Первая, состоящая из людей с рейтингом выше семидесяти, была небольшой, возможно человек в тридцать. Вторая – из тех, кто не был обладателем столь высоких показателей, растянулась на добрую сотню метров. Тони встал в конец второй очереди. «Вся жизнь – это сплошная очередь куда-то», как пел Бобби Трогвальд, и за эту песню лишился всех титулов, а затем и вовсе пропал с эстрады. Хороший был певец. Очередь на электричку, очередь на работу, очередь с работы, очередь в магазин, очередь в бар, очередь за путёвкой, очередь на концерт. Десятки и десятки часов жизни утопали в бесконечных очередях. «Современная продуктивность», о которой так галдели на каждом шагу. Электрички только и успевали прибывать к перрону. Люди заходили в вагоны, и бесшумные серебряные машины с дикой скоростью устремлялись вдаль.

Тони забрался в вагон, прождав чуть больше часа. Он уселся на свободное место в хвосте электрички. Стояла духота. Окон здесь не было – электричка шла с юга на север через несколько районов, доступ к которым для рабочих был строго ограничен. Таким образом, рабочие из района А-17, где жил Тони, перевозились в район Б-3, где находилась свалка, так и не видя своего маршрута. Окна заменяли экраны, на

которых мелькали красочные шоу – танцы, песни, конкурсы, спортивные мероприятия. Светили яркие огни, и звучала громкая музыка, перемешанная с искренним смехом и бурлящими овациями. С экранов блистали звёзды эстрады или спорта, молодые конкурсанты и участники реалити-шоу. Рабочие с запоем всматривались в экраны, фокусируясь на любимых программах, с увлечением обсуждая новый костюм героя или то, как новичок выступил на своей первой игре в бейсбол. Тони оглядел вагон – старенький, обшарпанный, набитый людьми, как будто консервная банка. Плечи его касались плечей других рабочих, которые сидели по обе от него стороны. Он чувствовал дыхание человека напротив, который с головой погрузился в спортивную передачу. Ощущал вибрацию от постукивания ногой второго соседа, тарбанящего в такт с играющей музыкой. Поезд бесшумно нёсся, минуя районы один за другим. Остановки менялись каждые несколько минут – район А-22, район А-21, район А-20. После каждой остановки рабочих в вагоне становилось всё меньше.

На остановке «А-20» в вагон вошёл опрятный мужчина в солидном тёмном костюме с синим галстуком. Он был высок, лет сорока пяти, гладко выбрит и коротко подстрижен. В руках мужчина держал серебристый дипломат, а пахло от него чем-то приятным, далеко не обычным для здешних зловонных мест. Он сразу обратил на себя внимание рабочих – все как один уставились на него с любопытством, кото-

рое граничило с недоверием или даже страхом. Не каждый день в Тридцать Втором можно было встретить представителей иных классов, а мужчина этот, без сомнения, был именно таким представителем. На лбу у него красовались цифры с приятной голубой подсветкой – «99». Редчайший и даже почти невозможный случай! Единственным человеком с подобным рейтингом, которого знал Тони, был директор цеха, где он работал. И директору этому понадобилось целых сорок пять лет идеальной трудовой деятельности, чтобы добиться подобного результата. Тони, как и прочие, впился в этого странного попутчика жадным дикарским взглядом, затем поймал себя на мысли о том, что ведёт себя глупо, и отвернулся. Мужчина в костюме как бы свысока оглядел вагон и неспешно двинулся на одно из свободных мест. Он уселся напротив Тони, поставив дипломат себе на колени. Непоколебимый, как будто вылитый из бронзы, он уставился перед собой, и взгляд его встретился со взглядом Тони. Этот суровый и умный взор, уверенный и пронизывающий до глубины души... Взгляд его не был похож на то, как смотрят друг на друга люди из окружения Тони – обессиленные и агрессивные, готовые взорваться в любой момент. Непоколебимый взгляд, как будто кричащий что-то, как будто лишний раз доказывающий, что знаний и власти в этой голове в сотни раз больше всех тех знаний, что собраны в головах людей в этом грязном поезде. Тони поглядывал на магические цифры на лбу у незнакомца, и его подмывало заговорить с ним.

Девяносто девять. Максимум из возможного. Он так и хотел завести какой-то диалог, спросить что-то или же рассказать какую-нибудь историю, хотя бы как-то прикоснуться к миру этого человека, хотя бы на секунду почувствовать себя его частью. Но как только он набрался решимости сделать это, прозвучал сигнал, знаменующий о прибытии к следующей остановке – А-17. Тони подскочил на ноги, бросил на мужчину в костюме последний взор и покинул вагон. Напоследок на лице мужчины нарисовалась лёгкая, едва заметная улыбка, и Тони показалось, что незнакомец как будто знал все те мысли, что пронеслись в его голове. Двери за его спиной закрылись, и поезд пулей устремился дальше, всколыхнув с перрона жёлтую пыль. Тони проводил его взглядом, и ему почему-то сделалось грустно. Он как будто совершил глоток свежего воздуха в спёртой атмосфере комнаты, но это был один единственный глоток, от которого впоследствии стало только хуже. Тони почувствовал на мгновение какое-то волнение, какой-то задор, азарт. Человек в костюме с наивысшим рейтингом. Кто он такой? Что он забыл в этой дыре? Даже префекты в районах не имели столь высокие цифры, а они фактически осуществляли власть в Тридцать Втором. Вздохнув и ещё раз глянув вслед уходящему поезду, Тони двинулся по привычному маршруту. Он спустился по лестнице, которая вела с платформы вниз, к жилым массивам. На выходе красовался привычный жёлтый знак с чёрной надписью: «Вы входите на территорию района А-17! Комендант-

ский час начинается в 23:00». Комендантский час был введён во всех двадцати девяти жилых районах города двадцать лет назад и по сей день оставался в силе ввиду закона «Габриэля-Мартина». Произошло это после того, как рабочие мусорной фабрики по переработке бытовых отходов подняли бунт и попытались перебраться через Стену, ограждающую город от иного мира. Возглавил восстание некий Рорк – простой работник погрузчика из Б-3. Закончилось всё кровавой бойней, в которой погибли двести девять рабочих и тринадцать полицейских. С тех пор в Тридцать Втором на пять жителей приходился один полицейский, а наказания даже за самые незначительные проступки стали куда более жестокими, чем в прочих городах. Историю с бунтом было не принято обсуждать, детали со временем стали забываться (не без участия властей), но самые отчаянные с трепетом вспоминали рассказы своих старших товарищей о тех героических временах.

Тони ступил на бульвар, который носил название некогда великого учёного Розенберга, сделавшего несколько значимых открытий в области нейросетей. Бульвар был узок, сугубо для перемещения пешеходов, вымощен аккуратной брусчаткой. Автомобильная магистраль шла несколькими ярусами выше – между железнодорожным монорельсом и самим бульваром. По обеим сторонам виднелись витрины магазинов, где продавали еду, одежду, лекарства, какие-то аксессуары и прочие товары повседневного потребления. Каждый

магазин имел ограничения по рейтингу – те, на которых были таблички с надписями «70+», выглядели приятно: витрины подсвечены, одежда модная и красивая, еда свежая. Магазины для обладателей рейтинга «50+» не могли похвастать обилием и ассортиментом товаров, но всё же иногда и такие прилавки смотрелись весьма опрятно. Чего нельзя было сказать о забегаловках с рейтингом «30+». Захудалые, грязные, с поцарапанными стенами и едва светящимися перекошенными вывесками. Эти точки собирали вокруг себя все отбросы общества, в том числе и маргиналов, которые крутились возле подобных магазинов в ожидании выпросить какую-либо еду. Маргиналами именовались люди, рейтинг которых опустился ниже тридцати. Представители данной прослойки лишались возможности устройства на работу, а следовательно и на повышение рейтинга. Их лишали жилья и основных привилегий – таких как бесплатная еда и лечение, одежда и транспорт. К маргиналам относились с презрением, шансов вернуться к нормальной жизни у них почти не было. Для таких людей существовало два варианта. Первый – находиться в статусе маргинала до смерти. Смерть обычно приходила в первые два-три года от голода или болезни. Второй вариант – участие в экспериментальных государственных программах. По сути, из маргиналов делали подопытных кроликов, тестируя на них последние изобретения в области нейробиологии и медицинские препараты. Кто-то выживал и переносил опыты без последствий. Таких возвращали в общество с

повышенным до «75» рейтингом, давая шанс на реабилитацию. Кто-то лишался рассудка или становился инвалидом – подобных бедолаг ссылали в специальные учреждения с обновлённым рейтингом, где они доживали остаток жизни – сытые, ухоженные и безвольные. Большинство из подопытных всё же умирало.

Тони приблизился к магазину с красной, едва светящейся табличкой «У папы Гарсона». Это была одна из немногих лавок с рейтингом «30+» в районе, где ещё оставались непросроченные товары. У входа вечно тёрлись маргиналы – вонючие и больные, в обносках, с голодными взглядами, полными безысходности. Тони обогнул толпившихся бедолаг и прошёл внутрь. Помещение было скромным – с низким потолком, с несколькими продуктовыми стеллажами, с парой холодильников и кассой. Пахло средством для травли мышей. Тони прошёлся вдоль полок, набросал в корзину еды – вяленое мясо, трёхдневный хлеб, тушёнка, какие-то консервы, рис и макароны. Мяса, молока и овощей в подобных лавках было не сыскать – обычно такие товары уходили в магазины с более высоким рейтингом. Гарсон, скучающий на кассе, поприветствовал Тони.

– Дружище, вечер добрый! – он снял кепи и растянулся в улыбке.

Это был крупный мужчина лет пятидесяти с добрым лицом и вечно потеющей красной шеей. Он всегда относился к Тони с почтением – впрочем, как и к каждому своему по-

сетителю, независимо от его рейтинга. Иногда даже на свой страх и риск подкармливал маргиналов, прекрасно понимая, что может лишиться за это сразу двадцати очков рейтинга. Штрафы за подобные проступки были весьма суровыми.

– Добрый, Гарсон, – Тони выложил на ленту продукты.

– Как поживаешь? – забрасывая продукты в пакет, поинтересовался Гарсон. – Вижу, дела не идут в гору.

– Ты про рейтинг? – усмехнулся Тони. – Да брось, не в этом счастье.

– А в чём же, брат? – Гарсон развёл руками. – Ты ведь башковитый парень, Тони. Посмотри на себя – питаешься этими убогими продуктами, вместо того, чтобы обогащать организм витаминами. Что случилось, мужик? Куда ты сливаешь свои цифры? Алкоголь, наркота? Или нашёл какую-то бабёнку себе?

– Гарсон, на эти вопросы ты ответа не получишь, – покачал головой Тони. – Не совсем прилично говорить на такие темы.

– О, ну прости, что задел твои чувства! – Гарсон хлопнул огромной ладонью по прилавку. – Я лишь переживаю за тебя, Тони. Я знаю тебя с малых лет, с первого дня, как тебя распределили в А-17. Помню того худощавого десятилетнего сопляка – ходил тут, крутил головой на куриной шее и задавал вопросы: «Как это делается?», «Откуда это берётся?», «Куда это отправляется?» – всё тебе надо было. Честное слово, Тони, я предрекал тебе вовсе не такое будущее.

– Будущее определяет за нас Машина, – пожал плечами Тони, забрав пакет с продуктами с прилавка. – А рейтинг – это лишь цифры, повторюсь снова. Я использую его в соответствии со своими интересами, Гарсон, и об этом я предпочитаю не говорить.

– Да не заводись ты, дружище, – продавец вытер мокрый затылок платком, – я всегда приду на помощь, ты ведь знаешь. У нас в городе новый глава полиции. Говорят, прислали из Первого, смекаешь, что это означает?

– Наслышан, – буркнул Тони. – Я закон не нарушаю.

– Но и не по струнке ходишь. Этот тиран пользуется тактикой выжженной земли – беспощадный и суровый каратель. Меня успели настрашать – говорят, теперь начнёт делать из Тридцать Второго образцовый город. Метит наверх, наверное. Ральф зовут его, если что.

– Что ж, – Тони пожал плечами и отправился к выходу, – могу только пожелать ему успехов.

Гарсон достал из-за прилавка залежавшийся банан – почерневший и явно переспелый. Бросил его Тони.

– Ну бывай. Не серчай!

– Спасибо, Гарсон, – Тони потряс бананом и покинул магазин.

Маргиналы у входа проводили его жадными взглядами. Худые, будто скелеты, с впалыми щеками и пустыми серыми глазами. На лбах их вызывающим красным свечением тускнели цифры близкие к нулю. Ненависть к этим заблудшим

людям граничила с жалостью. Тони смотрел на них с отвращением – их запах и вид только и могли, что вызывать подобные чувства. Но в то же время в нём бурлило и сострадание, ведь они тоже люди, которые превратились в молчаливые бесправные призраки, обитающие на задворках жизни – без каких-либо прав и возможностей. За каждым из них стояла собственная судьба. Тони обернулся, ещё раз оглядев маргиналов, а затем бросил взор на банан в руке. Что ему стоит поделиться? Продукты, лекарства и одежда – всё это раздаётся бесплатно. Всем, кроме самих маргиналов. Он остановился, помедлил, ещё раз глянул на банан. Навстречу из-за угла вышли патрульные, и Тони оцепенел. Два офицера в чёрных одеждах, напоминающих скафандры, – с бронированными вставками в районе груди, с электрическими дубинками у поясов, двигались прямо на него, в тёмных очках и шлемах. Тони замер, сердце его усиленно забилось, он машинально попятился назад. Банан незаметно перекочевал в пакет. Офицеры приблизились и внимательно на него уставились – сначала пристально изучив рейтинг, затем внешний вид и пакет в руках. Какое-то время они молча стояли напротив и смотрели на него, а затем, как будто по команде, направились дальше – туда, где толпились маргиналы. Тони выдохнул, бросил очередной взгляд на маргиналов и отправился в сторону дома.

Глава 2

Жилые массивы А-17, впрочем, как и дома других районов Тридцать Второго, представляли собой плотные десятиэтажные застройки. Здания шли одно за другим, примыкая друг к другу почти вплотную – серые однотипные постройки, с сохнувшим на балконах бельём и курящими у подъездов рабочими. Зелени в округе почти не было – несколько зон были отряжены под парки, однако по факту на весь район был один-единственный сквер, разбавляющий зелёным пятном серо-жёлтую массу. Остальные зоны были либо заброшены ввиду отсутствия ресурсов, либо переориентированы под другие проекты – в основном связанные с переработкой мусора. Жилые массивы составляли большую часть района. Дома выстраивались вдоль улиц, которые пронизывали район, подъезды выходили прямо на прохожую часть. Возле таких подъездов обычно собирались жильцы, когда погода была тёплой, – они сплетничали или же играли во что-то. Собираться больше пяти человек было запрещено: знаменитый закон «Габриэля-Мартина», изданный сразу после бунта Рорка, ограничивал права рабочих на массовые собрания. Власти опасались повторения восстания и штамповали нелепые законы каждый год – нередко одни противоречили другим, но это никого не смущало. Вот и теперь у подъезда Тони стояли забавные кучки по четыре человека, находив-

шиеся не ближе восьми метров друг к другу. Закон регламентировал и расстояние.

– Эй, Тони! – раздался знакомый голос с лавки, когда до входа в дом оставалось всего несколько шагов. Голос этот был хриплым и резким. Принадлежал он Бафффу – председателю совета жильцов дома номер 66-31, где проживал Тони. Должность эта была скорее номинальной: по закону за каждым домом закреплялся ответственный, призванный регулировать вопросы проживания, улаживать проблемы и доносить мнение жильцов до властей района. Жильцы голосовали каждый год, избирая председателя, а префект района утверждал его на должность. Голосование могло длиться несколько месяцев, пока кандидатура не устроит чиновников, поэтому каждому жильцу «рекомендовали» голосовать сразу за того, кто подходит на эту должность согласно рекомендациям префекта и неким постоянно обновляющимся регламентам. Таким образом, Баффф, человек не наделённый никакими способностями, кроме наглости и лизоблюдства, занимал свою должность на протяжении четырёх лет подряд. Все знали, что он скорее выполняет функции шпиона – доносит обо всем, что происходит на территории 66-31 наверх, получая за это повышение рейтинга и льготы.

– А ну-ка постой, – рявкнул Баффф, и Тони остановился, не дойдя до двери пару шагов.

– Чего нужно? – не оборачиваясь, спросил он. – Я спешу.

– Куда это ты спешишь? – щурясь, спросил Баффф и под-

нялся с лавки, приближаясь. Двое других жильцов – престарелый больной бригадир и девка, имя которой Тони так и не запомнил, остались сидеть.

– Какие у тебя могут быть дела?

– Тебя это волновать не должно. – Тони обернулся и уставился на подошедшего вплотную Баффа. Он был толст, будто боров, имел покатые плечи, лицо его было испещрено мелкими следами от оспы. Волосы Бафф брил почти наголо. Его маленькие, близко расположенные глазки впелись в Тони со злобой. Носил он белую майку и растянутые пижамные штаны. На лбу его голубым светом виднелись заветные цифры – «82».

– Как раз-таки это меня и волнует, дружок, – он ехидно прыснул. – Я тут наблюдаю за тобой в последнее время, и мне кое-что не нравится. Знаешь, что именно?

– Ты думаешь, мне есть до этого дело? – насупился Тони.

– Не зли меня, мальчишка! – рявкнул Бафф и ударил ладонью по железному щитку рядом с входной дверью. Раздался металлический треск. Тони не дрогнул. Собравшиеся у подъезда с любопытством уставились на представление.

– Твой рейтинг никогда не поднимался выше «40», сколько я тебя знаю. Это настораживает и обязывает меня, как председателя совета жильцов, усилить свою бдительность. Что ты за фрукт, а? Я делал запрос на твою работу – характеристику дают положительную. Ты ни разу не опаздывал, никогда не получал штрафов. Исправно работаешь по шесть

дней в неделю, показатели выше средних. Так что же ты делаешь не так? Куда ты тратишь свой рейтинг?

– Спроси у своей подруги, – приснул Тони. Кто-то на лавке подавил смешок. Менее смелые сдержались. – Она уж точно знает.

– Ах ты мелкий ублюдок! – вспыхнул Бафф. Лицо его покраснело, оспы остались белыми. Он сжал кулаки, и Тони услышал, как скрипнули его зубы. – Да я сейчас из тебя весь дух выбью...

– Попробуй, – Тони пожал плечами. – Вмиг лишишься и должности, и своего драгоценного рейтинга. Давай, Бафф, ударь, чего ждёшь? Я уж потерплю, ради того, чтобы больше не видеть твою противную рожу в своём доме.

– Слышали, ребята? – обратился Бафф к жильцам, которые сидели на лавке рядом с ним. – Слышали, что этот нахал себе позволяет?! Что мне, уделать его прямо здесь?

– Не кипятись, Бафф, – сказал один из них. Старикан, первый пресмыкатель и почитатель «талантов» Баффа. – Не стоит ради него рисковать рейтингом. Рано или поздно он сам себя похоронит, вот увидишь. Ему и без того недалеко до маргинала.

– И правда, – кивнул Бафф и разжал кулаки. Он прошёлся немного, закивал головой, успокаивая себя. – Чего это я тут распинаюсь?! Подождём, а там и посмотрим. – Затем он приблизился настолько, что Тони ощутил резкий запах из его рта. – Ещё посмотрим, мальчик, ещё посмотрим.

Бафф вернулся на место, усевшись на лавку. Тони вошёл в подъезд, вздыхая с облегчением. Он вызвал лифт, который должен был доставить его к квартире на втором этаже. Сердце билось в учащённом ритме – только теперь Тони ощутил нечто подобное волнению. Двери лифта отворились, и он ступил внутрь. Вместе с ним вошёл ещё один человек. Это был его сосед по площадке – престарелый Дон. Никто толком не знал, сколько ему лет – семьдесят или больше, но Дон всегда пользовался уважением среди жильцов. Несмотря на преклонный возраст, он всё ещё был полон сил – работал на свалке бригадиром по пять часов в день, а в свободное время помогал жильцам ухаживать за домом. Дон всегда имел рейтинг в районе «60» – не так много, но и не критично мало. Он старался поддерживать со всеми хорошие отношения, в том числе и с Тони, который редко общался с кем-либо из соседей.

– Привет, Тони, – улыбнулся Дон, и морщины, покрывающие его доброе лицо, растянулись. Волосы на его голове были белоснежно-седыми, в глазах всё ещё теплился огонёк. – Хотел поговорить с тобой.

– Сегодня прямо-таки день откровений, – покачал головой Тони. – Все хотят поговорить, а если быть точнее, то научить меня чему-то. И почему вы думаете, что я нуждаюсь в ваших советах?

– Не кипятись, сынок, – спокойно проговорил Дон своим тихим убаюкивающим голосом. – Я один из немногих тут,

кто хочет тебе добра.

– С чего бы это, Дон? – развёл руками Тони. – Да и не нуждаюсь я в этом добре. Вы все думаете, что у меня проблемы, – достали уже с этим рейтингом. Все подряд косятся на меня, рабочие, продавец в душу лезет, этот тупоголовый Бафф. Теперь ты ещё. Давай не будем портить отношения, Дон. Я тебя уважаю и не хочу спорить.

– А спорить и не нужно, – снова улыбнулся старик. – Я скоро отбуду и лишь хотел сказать тебе пару слов на прощанье.

– Куда отбудешь? – насторожился Тони. Он так привык, что Дон всегда был здесь, что теперь любая мысль о том, что его может не стать, казалась сумасбродной.

– На покой, – с грустью сказал Дон и улыбнулся. – Я тут самый старый и, наверное, единственный, кто задержался так надолго. Меня заждались на Острове – вкусная еда, тёплое море, синее небо. Настало время и мне понять, за что же так все любят старость.

– Но ты... – ком в горле не позволял Тони ясно выразить свои мысли. Он не мог представить себе этих мест без Дона. – Ты ведь всегда был тут...

– Это точно, – Дон усмехнулся с какой-то дикой горечью. – Сторожил А-17, мать его за ногу! Много я повидал. Отработал по-честному всю жизнь – пахал руками на свалках. Это же так почётно! Признаться, я давно подумываю об отдыхе, Тони. Суставы болят, спина, колени. Вижу плохо, да

чего там говорить, я уже лет десять назад мог уехать. Но откладывал до последнего. Откладывал, потому что люблю это место. Нет, не за жёлтую пыль и вонь, не за тупые законы и бессмыслицу. Не за свою каморку и не за патрули, которые снуют тут, будто псы. Люблю, потому что привык к людям – к тебе, Тони, и другим хорошим ребятам. Их тут хватает, поверь. Привык, и всё тут! Как подумаю, что больше не увижу вас, так сердце щемит. Но откладывать уже нельзя. Ещё немного и мой рейтинг будет падать – работать как здоровый мужик я уже не могу.

Лифт остановился на втором этаже, и оба они вышли на лестничную площадку. Небольшой периметр с четырьмя дверями по стенам, ведущими в квартиры.

– Не думал, что это когда-нибудь произойдёт, – тихо проговорил Тони. – Знал, конечно, но не хотел верить.

– Всё когда-нибудь заканчивается, – улыбнулся Дон. – Но послушай, Тони, я хотел сказать тебе кое-что, прежде чем отбуду.

– Я слушаю тебя, Дон.

– Во-первых, не шути с Баффом, – тихо проговорил он, косясь на камеру наблюдения в углу. – Я говорю сейчас серьёзно. Ходят слухи, что его назначат следующим префектом А-17. А уж тогда он точно на тебе отыграется по полной.

– Не думал, что на должность префекта могут назначить человека, чей разум не далеко ушёл от разума свиньи, – пожал плечами Тони.

– Там не нужен разум, Тони. Там нужна лояльность, исполнительность. Бафф – идеальный префект: с высоким рейтингом, без единого замечания. Чистая биография. То, что нет достижений, не беда. Главное, нет залётов. Характеристика просто блестящая. Вот что им нужно. Или ты думаешь, там кто-то смотрит на его личные качества?

– Я думаю, что А-17 ждут тёмные дни, хотя куда уже темнее!..

– Тебя уж точно они ждут, если не успеешь исправить своё положение, – ответил Дон. – За свою жизнь я понял одну важную вещь – принципы всегда можно изменить. Но последствия глупостей, сделанных во имя этих принципов, – неисправимы. Нужно быть гибким, Тони. Ты – умный парень. Не чета всем этим работягам, это я уж точно знаю. И я знаю, что ты жертвуешь своим рейтингом ради чего-то значимого для тебя. Это вызывает уважение. Ты напоминаешь мне одного человека, с которым я близко дружил в молодости. Человек этот давно ушёл, но память о нём всё ещё теплится у меня в душе, да и у многих других стариков Тридцать Второго. Он закончил плохо, потому что не усвоил главный урок в жизни. И я до сих пор не знаю, какую роль в этой истории сыграл я. Не делай ошибок, Тони. Доверься моему опыту и уважению к тебе.

– Кто был твой друг? – внезапно спросил Тони.

– Человек с большой душой, – улыбнулся Дон. – Слишком большой, чтобы надолго задержаться на этом свете. Но я не

хотел бы ворошить старые воспоминания.

Он хлопнул Тони по плечу и проследовал в свою квартиру. Тони постоял какое-то время в одиночестве, глядя на закрытую дверь Дона, а затем отправился к себе домой.

* * *

Квартира Тони, равно и все прочие квартиры в А-17, представляла собой комнатуху размером в двадцать два с половиной квадратных метра. Одно окно, на стенах – экранные панели, которые автоматически включались при попадании хозяина в квартиру. Небольшая кровать в углу, столик, шкаф с одеждой и душевая кабина с туалетом, отгороженная стеклом. Скромное убранство для скромного рабочего четвёртого разряда. Говорят, что бригадиров переводят в квартиры с балконами, а жильё для менеджеров так и вовсе включает в себя дополнительную комнату. И если это был стимул отказаться от всего ради работы, Тони искренне не понимал таких людей.

Он бросил пакет с продуктами на кровать, стянул пропахшую мусором и потом рубашку, футболку, сбросил джинсы и ботинки. Экраны транслировали бейсбольный матч в прямом эфире, предлагая сделать ставки. Всего три пункта рейтинга на команду-аутсайдера могли превратиться в целых шесть очков. Тони прошёл за стекло, в ванную, и включил воду. Активировался таймер, который позволял пользо-

ваться горячей водой не более пяти минут. Тони забрался в душ и наскоро помылся. На стекле проявилась проекция с рекламной кампанией нового средства для бритья для тех, чей рейтинг был ниже сорока. Тони вытерся, натянул чистые джинсы и новую футболку.

На одной из стен в комнате висела картина, изображающая симпатичную девушку с крыльями на фоне огненного круга. Она была облачена в чёрное, в руках держала лук, а за спиной её виднелся колчан. Нижняя часть картины была оборвана. Изображение это ему когда-то подарил Дон, сказав, что оно многое для него значит. Тони часто смотрел на эту девушку, безусловно красивую, и никак не мог понять – кто она. Красота её, и в то же время опасность, манили его. К тому же картина выполняла полезную функцию. Тони подошёл ближе и надавил на картину так, что она слегка погрузилась вглубь стены. Что-то внутри щёлкнуло, и часть стены отошла, образуя щель. Тони зацепился за щель пальцами и отодвинул дверцу. Образовалась ниша размером с человеческий рост. В нише виднелись полки, забитые под завязку книгами. Тони пробежался глазами по своей коллекции – «Властелин Колец» Толкиена, «Портрет Дориана Грея» Уайльда, «Война и Мир» Толстого, «451 градус по Фаренгейту» Бредбери, Собрания сочинений Омара Хайяма, Философские трактаты Канта и Конфуция, Чехов, Диккенс, Мартин, Дюма, Мо Янь, Пушкин, Ремарк, Шекспир, Флобер, Фолкнер, Хемингуэй и десятки, десятки разных фамилий и

названий, которые простым людям были неизвестны. Тони потрогал кончиками пальцев переплёты, взял том Толстого «Война и мир», пролистал книгу, испещрённую сотнями закладок и пометок, а затем аккуратно убрал её на место. Он походил по квартире, заглянул в зеркало, увидев в нём бледное лицо мусорщика с рейтингом в тридцать шесть, бросил ленивый взгляд на экран, где транслировался матч, а затем буркнул себе под нос:

– К чёрту всё.

И покинул квартиру.

* * *

Смеркалось. Вечер вплотную вступал в свои права, прогоняя людей с улиц и площадок возле подъездов. Тишину прерывали лишь рекламные слоганы, доносящиеся из динамиков на столбах, да редкий вой полицейских сирен где-то на верхних магистралях. Тони быстрым шагом направился в сторону единственного в А-17 сквера. Сквера имени второго губернатора города Тридцать Два – Дэвида Вайса. В те времена люди ещё носили фамилии вместо идентификационных номеров. Место было тихим и странным – вся зелень, которая только была в бетонных массивах А-17, скапливалась именно здесь. Деревья, кустарники и трава – приятное напоминание о том, что планета Земля некогда всё же была зелёной. До сквера было минут двадцать – мимо жи-

лых кварталов, префектуры и музея Рабочих. Тони вышел на площадь имени Филимона – одного из четырёх выдающихся учёных, которые изобрели ПАЧ, то есть устройство, отвечающее за рейтинг и систему начисления и списывания баллов. В каждом городе была улица, площадь, бульвар или проспект, носящие имя великого учёного. В центре площади, утопающей в глубине сквера, тёмным пятном возвышался на добрые десять метров бронзовый фонтан в виде трёх рук, тянущихся к небу. Руки были грубыми, виднелись мозоли, морщины и царапины, а ногти были неухожены и обломаны. Монумент символизировал сплочённость рабочего класса, который «трудится во благо всего человечества». Подобные памятники можно было встретить в каждом районе: офицеры получали свои, обязательно на тему войны и храбрости, у докторов были собственные – во имя спасения жизней, а для спортсменов строили монументы, символизирующие важность их деятельности для всего населения. Фонтан на площади Филимона не работал уже несколько месяцев – говорили, что казну района растратили ещё в конце того года и теперь власти всячески старались сэкономить на электричестве и водоснабжении, дабы не попасть в чёрный список Совета Правления. Отношения с Центром для местных чиновников были превыше всего – ради них рисовались вымышленные цифры, подстраивались события, приукрашивались доклады. Сплошные достижения и ни одной оплошности. Лицемерные отношения, на которых строилась вся го-

сударственная власть, где обе стороны не в силах были признаться в своей несостоятельности, а все вокруг были обязаны им подыгрывать.

Тони уселся на лавку напротив фонтана. Сквер пустовал. Из темноты появился странный человек в чёрных широких одеждах, с капюшоном, покрывающим голову. Он всегда так делал, каждый раз заставляя Тони испытывать трепет. Присел рядом.

– Привет, Тянь.

– Встречи наши слишком частыми стали, Тони, – тихим голосом ответил человек в чёрном. – Настолько частыми, что рейтинг твой вызывает у меня чудовищное чувство тревоги. Когда камень слишком долго катится с горы, его уже невозможно остановить.

– А я не качусь, Тянь, я уже лечу, – Тони усмехнулся.

– У Тяня есть щит, ты же знаешь, – проигнорировав шутку, серьёзно ответил человек. – Чиновники и полицейские тоже читать любят. Но вот ты, мой друг... Летишь с огромной высоты, и это правда.

– Что есть? – не обращая внимания на предостережения, спросил Тони. – Я бы не пришёл, не имея явных намерений.

Тянь покачал головой, махнув тонкой бородкой, выглядывающей из-под капюшона.

– «Оливер Твист» и «Отверженные», – нехотя проговорил он. – Авторов, надеюсь, указывать не нужно?

– Давай «Отверженных», – холодно проговорил Тони. –

Давно за ней охочусь.

– Будет цена в два балла, Тони.

– Не охренела ли твоя азиатская жопа?

– Книги подобные я продаю за пять. Обычно, – ответил Тянь. – Для тебя, мой друг, за два. Знаешь, это оригинал. Единственный экземпляр, судя по всему. Так что же – брать будешь? Или дашь дорогу другим?

– Давай сюда, Тянь, – поджав губы, пролепетал Тони и за-сучил рукав по локоть.

Тянь поднёс к его предплечью небольшое устройство с экраном и датчиком приёма, раздался характерный звук и цифры на лбу Тони сменились на «34». Тянь поднял голову и посмотрел Тони в глаза. Это был мужчина лет пятидесяти со смуглой кожей, редкой седой бородкой и маленькими раскосыми глазками. На лбу его виднелся рейтинг «91». Тони пролистал старый томик Гюго, понюхал его, внимательно рассмотрел со всех сторон, а затем убрал его внутрь – в специально сделанный для таких случаев карман. Он поднялся и бросил на человека в чёрном добрый взгляд.

– Славно, – проговорил Тони. – Меня ждёт бессонная ночь, и я уже в предвкушении. Знаешь, Тянь, я благодарен тебе за всё – мы работаем с тобой уже шесть лет, и я ничуть не жалею, что нашёл тебя. Я понимаю все риски и в очередной раз говорю тебе спасибо.

Он поклонился.

– Удовольствие доставляет мне общение это, – улыбнулся

в ответ Тянь. – Хоть рискованный ты парень, Тони, но хороший. Однако знай, что я не только дилер для тебя, но и товарищ.

– Уж знаю, за два балла-то, – рассмеялся Тони.

– Ай-ай, Тони, – покачал головой азиат. – Не стирай из памяти те книги, что я дарил тебе когда-то. Их было немало.

– Целых девять, если быть точным, – подтвердил Тони. – Ещё одна – и будет юбилей.

– Как только подберу что-то стоящее, – подмигнул Тянь и, поднявшись, удалился семенящей походкой в сторону сквера, где провалился во тьму, как будто его здесь и не было вовсе.

Тони ещё какое-то время просидел на лавке, вдыхая ароматы хвои, доносящиеся из чащи. Что за дивный запах! Небо было затянуто плотными тучами, не давая звёздам шанса на блеск. Тишина пронизывала воздух – кое-где слышно было, как стрекочут цикады, да и только. Тони наслаждался одиночеством, томик «Отверженных» приятно согревал грудь. Просидев так какое-то время, он поднялся и ушёл. Путь до дома был знаком ему до мельчайших подробностей. Вот здесь – плитка шатается под ногами, тут – лучше идти слева, потому что с крыши всегда что-то капает, между этими домами дует сильно. Каждый его шаг на пути был сделан по тропе, протоптанной за эти долгие годы. Маленький мирок с маленькими людьми. Сложно в нём жить, а в особенности человеку, который имеет достаточно смелости, чтобы мечтать.

Мысли оборвал чей-то взор. Пристальный, тяжёлый, не отпускающий. Тони остановился, осмотрелся. По противоположной стороне дороги шёл человек – двигался он параллельно ему и в тот момент, когда Тони сбавил ход, человек сделал то же самое. Высокий, с серебряным дипломатом, в чёрном костюме, лоб светился голубым. Не было ни единой толики сомнений в том, что человек этот и человек, с которым он вечером ехал в поезде, одно и то же лицо. Тони занервничал и ускорил шаг. Человек не отставал. Кто это такой? Что ему надо? Зачем ему понадобилось преследовать мусорщика? Из-за рейтинга? Или виной всему книги? Чёрт побери! Тони вытер взмокший лоб и снова покосился на мужчину. Он слышал о представителях так называемых Карателей – особых подразделений, которые направляют в города для устранения неугодных лиц. О Карателях ходило столько легенд, что Тони тут же вспомнил сразу несколько из них. Пропажи, казни без судов, слежка, выемки документации, пытки, аресты чиновников и полицейских – казалось, что полномочия Карателей неограниченны. Но что им нужно от простого мусорщика, чёрт побери?

Перед глазами всплыла яркая фиолетовая табличка – «Пурпурный Сокол». Тони бывал несколько раз в этом баре – здесь часто собирались рабочие в конце недели, чтобы выпить пива и пообщаться в неформальной обстановке. В пятницу вечером, когда три кружки тёмного и вовсе стоили всего лишь один балл, здесь было не протолкнуться. Вечер

же буднего дня мог похвастать двумя столиками, за которыми сидели уже достаточно пьяные мусорщики с рейтингами не выше «50». Тони буквально ворвался в бар, сразу проследовав к стойке. Пахло хмелем и мясом. Приятные запахи, особенно для того, кто не пробовал ни того, ни другого вот уже несколько месяцев. Уборщица, усердно намывающая зал, проводила Тони взглядом, полным негодования. Играла тихая музыка, из колонок доносился голос Фрэнатры – звезды конца две тысячи пятидесятых. «А миру нужен лишь герой, – мелодичный голос тянулся под переливание струн. – Ведь он отчаянно простужен. И понимаем мы порой, что нам герой всего лишь нужен».

– Привет, Лара, – отдышавшись, сказал Тони и уселся за барную стойку, поглядывая на вход.

– Как всегда, приходишь за десять минут до закрытия, – развела руками девушка лет двадцати. На ней была клетчатая зелёная рубашка с бейджем и пурпурный фартук. Русые волосы убраны в хвост, на лице ни грамма макияжа. Глаза её были «до неприличия» большие, лицо при этом оставалось весьма симпатичным.

– Налей-ка мне тёмного, – пытаюсь усесться удобно, проговорил Тони. – День был трудный.

– В среду-то? – с подозрением спросила Лара. – Кружка – целый балл в будний день. Оно тебе надо, Тони?

– Раз уж пришёл, – Тони пожал плечами. – Почему бы и нет?

– Ну и дурак, – хмыкнула она и принялась наливать в бокал пиво. – Инструкция запрещает мне отговаривать гостей от алкоголя, но я хотела всё равно попробовать. Рано или поздно аукнется тебе всё это. Знала я таких уже. Сегодня пиво пьют или ещё чего покрепче, а завтра маргиналами по канавам лазиют.

– Лазают, – поправил Тони.

– Чего?

– Лазают – так правильно говорить.

– И чего это ты такой умный с рейтингом в тридцать четыре-то? – насупилась Лара и поставила на стойку кружку с пивом. Пена перелилась через края.

– Ты знаешь причину этих цифр, – Тони отхлебнул.

– Знаю, – Лара протёрла стойку. – Трахаешься и пьёшь, дебоширишь и тунеядствуешь. Всё верно?

Тони рассмеялся. Он приложил руку к сканеру и цифры на лбу сменились на «33».

– Почти. Я живу в других мирах, а за это приходится платить.

– Вот только откровенничать не надо, – Лара покачала пальцем. – Как только ты расскажешь мне очередную свою байку, я буду вынуждена доложить кому надо. Сам понимаешь, бармены – народ подневольный. Раз в неделю теперь у меня неприятная беседа, и я не хотела бы, чтобы после этой беседы кое-кого завернули. Тут новый босс прибыл – Ральф, начальник городской полиции. Разослал по всем значным за-

ведениям инструкции, и лучше бы тебе не знать их содержание.

– Понимаю, – кивнул Тони. – Но ты ведь не скажешь.

– С чего бы такая уверенность?

– Я рассказал тебе о книгах почти год назад. И с тех пор меня до сих пор не завернули. А это значит, что ты молчала всё это время. Или всё же нет?

– Что это ты имеешь в виду? – насторожилась Лара, уперев руки в бока.

– Мне показалось, что за мной следят, – тихо проговорил Тони. – Не твоих ли рук дело?

– Ах ты паскуда! – рявкнула она и замахнулась тряпкой.

Тони пригнулся. – Как ты мог такое подумать?!

– Сама сказала, что обязана...

– Как будто, кроме меня, никто не догадывается, – фыркнула Лара. – Или я какая-то избранная, что ты открыл свою тайну мне одной?

– Не совсем так, – Тони развёл руками. – Просто тогда я был сильно пьян и пытался произвести на тебя впечатление.

– То есть хотел затащить меня в постель, – хмыкнула она.

– Можно и так сказать.

– Ничего не вышло, мачо, – Лара развела руками. – Но впечатление произвёл. До сих пор не пойму, что у тебя в голове. Ты один такой на весь район. Странный.

– Может, хоть сегодня получится? – оглянувшись, спросил Тони.

– Ты серьёзно? – рассмеялась она. – Зачем тебе это нужно? Ты в трёх шагах от маргинала и пытаешься трахнуть барменшу? Да что с тобой такое?

– А ты как будто и не хочешь?

– Да как можно не хотеть?! – вспыхнула Лара. – У меня секса месяцев шесть не было. Но я коплю этот долбаный рейтинг, чтобы отчалить на Остров. Я иду к своей мечте и лелею её, как будто это всё, что у меня есть. Секс может перечеркнуть все мои старания, ты ведь это прекрасно знаешь.

– Знаю, – кивнул Тони. – Дурацкие законы – спариваться только для продолжения рода, бла, бла, бла.

– За удовольствие приходится платить, – саркастично заметила Лара. – Но пять баллов за один раз, извольте! Лучше уж так и буду дружить со своим вибратором, тем более в этом месяце при покупке одного, второй дают в подарок.

– А зачем тебе второй-то?

– Ой, не прикидывайся, Тони, – Лара махнула рукой. – Ты как будто с Луны свалился.

– Я знаю пару лазеек, как этого избежать, – приблизившись, проговорил он.

– Ты же не думаешь, что я поведусь на это? Чувак с рейтингом «тридцать три»! Иди домой. Меня проверяют раз в неделю. Полный анализ. Если выявится...

– Не выявится, я пробовал.

– Да ты и вправду примороженный, Тони, – Лара насупилась. – На что ты надеешься?

– Я думал почитать сегодня ночью, – сказал Тони. – Могли бы сделать это вместе. Книги мои, так что тебе переживать не о чем.

– Книги, – тихо повторила Лара. – С чего ты взял, что мне это интересно?

– А с чего бы тебе ходить к Тяню раз в месяц? Я знаю, что ты крутишься у фонтана на площади, но так ни разу и не решилась на это. Давай, Лара, считаешь у меня дома – никакого риска.

– Неужели ты готов на это, чтобы трахнуть меня?

– Не в этом дело, – оглядываясь, сказал он. – Я вижу, что у нас есть кое-что общее. И я хочу раскрыть тебе этот дивный новый мир. Дело не в сексе вовсе, не хочешь и не надо.

– И что у тебя есть? – помолчав немного, спросила Лара.

– Больше шестисот книг, – ответил Тони, и глаза Лары едва не вылезли из орбит. Она даже рот открыла от удивления.

– Шестьсот? Ты правду говоришь?

– Правду, Лара. Можешь убедиться в этом сама.

– Сколько баллов ты потратил на них?

– Достаточно, чтобы пять лет жить на Острове. Экономил на всём каждый день. Но за это время я прожил сотни жизней и не жалею об этом ни на секунду.

– Ты и вправду псих, Тони. Но я хочу это видеть.

Она сбросила фартук и принялась готовиться к закрытию бара.

Они шли по безлюдной улице, тёмной и пустынной. Дул лёгкий летний ветерок, гоняя в воздухе спёртую вонь. По остывающему асфальту летали обрывки газет и листовок. Где-то вдаль шумела автострада – всё ещё живая и полная автомобилей. В окнах жилых домов уже почти не горел свет, лишь изредка мелькали разными цветами отражающиеся в стекле огни развлекательных шоу. Рабочие ложились спать рано. Тони оглядывался через плечо.

– Ты уже сделала свой выбор? – спросил вдруг он, разорвав тишину.

– О каком выборе ты говоришь? – спросила в ответ Лара. Не сразу, выждав немного.

– Сама знаешь. Я говорю о самом главном выборе в жизни, который мы делаем в день двадцать первого рождения.

– Ты об этом, – она сделала вид, что улыбнулась, но эта улыбка была грустнее любого плача. – У меня ещё есть срок один день, чтобы поразмыслить как следует. Да и что тут решать? Получить сперму от неизвестного мужика, быстро родить и жить дальше. Вот каким будет мой выбор. Не вижу смысла создавать официальную пару – слишком много хлопот. К чему это, если ребёнка всё равно забирают? Говорят, это самое трудное – отдать своего ребёнка. Хотя все привыкают. Как думаешь, здесь, в А-17, есть твои дети?

– Сложно сказать, – Тони пожал плечами. – Я сдаю сперму каждый месяц на протяжении четырёх лет. В теории, конечно, это не исключено, но сам процесс весьма сложный. Да и не хочу я этого знать.

– А ты о том, чтобы создать пару, когда-нибудь думал? – вдруг спросила Лара.

– Пару? – Тони усмехнулся. – Это слишком сложно. Сначала пройти все медицинские и психологические тесты на совместимость, потом подписать кучу документов, а потом ещё и жить вместе. Да, у пар есть свои привелегии... Но я скорее одиночка, нежели человек, который будет делить с кем-то пространство.

– Вот и я того же мнения. Никогда не понимала, как люди уживаются вместе на протяжении нескольких лет. Мы все ведь такие разные...

– Говорят, в старом мире всё было иначе.

– Говорят много чего, вопрос в другом – стоит ли слушать?

Они подоспели к дому Тони, когда на часах уже было 22:51. Начинался комендантский час. На улицах воцарялась тишина, лишь редкие полицейские патрули неспешно бродили по пустынному кварталу, не обращая внимания на маргиналов, которые с наступлением тьмы выбирались наружу в поисках пропитания.

– Новое шоу от Джимми Деймона уже видел? – спросила Лара, сбрасывая лёгкую куртку на кровать. Она прошлась по

квартире, внимательно всё изучая.

– Не смотрю шоу, – пожал плечами Тони. Он достал из внутреннего кармана беруши. – Вот, нашёл на свалке. Использую, когда хочу почитать в тишине. Обычно экраны с этими дурацкими шоу не дают этого сделать.

– Людям нравится смотреть это. – Она взяла в руки беруши, покрутила. – Жаль, конечно, что нельзя регулировать громкость и выключать панели, когда захочется, но мне кажется, я уже давно свыклась с этим.

– Что бы ты хотела почитать?

– Что-нибудь про любовь, – закатив глаза, ответила Лара.

– Так это в любой книге, – пожал плечами Тони. Он подошёл к стене и нажал на картину. Дверца открылась. Лара подпрыгнула и замерла, обведя взглядом сотни книг на полках. – Как насчёт Джейн Остин?

– Пожалуй... – растерянно проговорила она, как будто не веря в происходящее. В глазах её волнение перемешалось с жадностью и восхищением.

Тони достал с полки книгу и передал её Ларе. Она осторожно взяла её, как будто боясь повредить, открыла, пролистала, а затем отбросила в сторону и притянула к себе Тони. Он крепко обнял её и поцеловал – сильно, почти агрессивно. Это было ожидаемо для него, почти классика.

– Точно? – с трудом оторвавшись, спросила она, облизывая губы. – Я-то переживу, а вот тебе уж совсем несладко придётся, если поймают.

– Не поймают, но даже если и так, – улыбнулся Тони, – оно того стоит.

Он снова прижал Лару к себе, сорвал с неё рубашку и бросил на кровать.

Глава 3

Селена облизнула губы, сняла очки, протёрла их, закинула одну ногу на другую, выставляя блестящие в белоснежном свете колени напоказ. Она как-то долго и странно смотрела на Тони, выражение её лица менялось: на смену хмурости приходила улыбка, потом лицо вновь становилось серьёзным и даже раздражённым. Тони покорно ждал от неё первой фразы.

– Ты считаешь её красивой? – спросила Селена. Прямо, вызывающе, властно.

Она сидела в широком кожаном кресле. Убранные назад волосы, строгая белая блуза, тёмная юбка. Ей было лет сорок пять, выглядела она превосходно – подтянутая, стройная, ухоженная. Лицо симпатичное, с аккуратными чертами – милый носик, карие глаза, тонкие блестящие губы.

– Наверное, – пожал плечами Тони. – Приятной, сексуальной... Но красивой... Да, пожалуй, она красива.

– Почему ты не был с ней груб? – вдруг спросила она.

– Не думаю, что ей бы понравилось.

– Не думаешь? – Селена придвинулась к нему. – Тони, мальчик мой, здесь думать не нужно. Просто делай. Ты ведь знаешь, как нужно себя вести. Почему мне приходится всё время тебе об этом напоминать?

Тони потупил взор. Не ответил.

– Не теряй хватки, – проговорила она.

* * *

О том, что настало утро, напомнила до зубной боли надоевшая мелодия из динамиков, которая сопровождала каждого рабочего на протяжении всей его жизни. Гимн рабочим – хоровой, под классическую музыку, с надрывом и пафосом возвещал об очередном дне, который стоило посвятить делам во благо своего класса, да и всего человечества в целом. На всех экранах квартиры крутились красочные ролики, где славные представители рабочего класса усердно работают на своих участках – перерабатывают мусор, убирают урожай, рубят лес и строят дома. Статные, с приятными лицами и полные сил. И где только они видели таких работяг?!

Так начинай же новый день
Во благо мира и всех прочих!
Отбрось претензии и лень,
Гордись и радуйся, что ты – рабочий!

Менеджерам и государственным чиновникам показывали другие ролики, соответствующего характера. Они «гордились и радовались» своим собственным ценностям.

Тони взглянул на спящую рядом Лару. Белая кожа, ровное дыхание, безмятежность и покой, лёгкая, застывшая на гу-

бах улыбка. Красивая. Её не проняла громкая музыка и хоровое пение – спала крепко. Тони даже позавидовал немного. На полу были разбросаны вещи, в центре комнаты бесхозно валялся раскрытый томик «Унесённых ветром». Тони поднялся с кровати, подобрал книгу, расправил страницы и аккуратно положил её на прикроватный столик. Затем он собрал с пола вещи и отправился в душ. Лара проснулась перед самым его выходом из квартиры, когда он уже успел переступить через порог. Она медленно открыла глаза и тут же проговорила заспанным голосом:

– Неужели это бегство с поля боя?

– Это бегство на работу, – улыбнулся Тони и вошёл обратно в квартиру. – Мне, в отличие от тебя, нужно поспеть к восьми. Знаешь, что будет, если я опоздаю?

– Знаю. Беги, беги, – махнула рукой Лара. – Кстати, ночь была чудная.

– Ещё бы, – усмехнулся он. – Со мной по-другому не бывает.

– Ну и откуда столько самовлюблённости, бегун? У меня тоже был некоторый опыт в сексе, и ты, – она закатила глаза, – наверное, вошёл в ТОП-5, хотя нет, в ТОП-10.

Тони рассмеялся.

– Почитай книгу, у тебя ещё полно времени. Потом убери её в тайный шкаф. Дверь закроешь, но постарайся сделать всё как можно тише. У меня бдительные соседи. Там, кстати, есть вяленое мясо.

– Давай, иди уже, – Лара махнула рукой. – Сам ешь своё мясо. Приличные люди таким не питаются.

* * *

На выходе из подъезда Тони ожидали офицеры полиции. Шесть человек, все при оружии. Рейтинг от «77» до «83». Подле них крутился Бафф со своими прихлебателями, жестикуюлируя и что-то яро объясняя старшему офицеру. Завидев Тони, полицейские активизировались и как будто спохватились, переполошившись. Бафф надменно ухмыльнулся и скрестил руки на груди, словно делая Тони вызов.

– Серийный номер, рабочий, – властным голосом проговорил старший полицейский и приблизился, преграждая Тони путь. От него пахло металлом, резиной и болью. Чёрная форма из прочного материала плотно облегла спортивное тело. Вставки из бронепластика на груди и животе, серийный номер слева, имя – Ричард – справа. На голове шлем с камерой для видеофиксации, глаза прикрывают тёмные многофункциональные очки. У пояса – электрическая дубинка и пистолет. Ноги в ботинках, руки в перчатках.

– Ноль двадцать два, ноль семь, один, один, один, семь, – бросил Тони самые важные цифры в жизни. – А что, собственно говоря, происходит?

Полицейский, игнорируя вопрос, вбил цифры к себе в планшет и снова поглядел на Тони, сверяя данные.

– Вам знаком некий Тянь? – снова задал он вопрос и направил в сторону Тони детектор, который считывал процессы в организме во время допроса. – Отвечайте честно, мы фиксируем импульсы.

– Первый раз слышу, – соврал Тони, и индикатор зажёгся красным, противно взвизгнув.

Один из полицейских тут же подскочил к Тони сбоку, схватил из-за пояса резиновую дубинку и молниеносно нанёс удар под колено. Тони охнул, подсел. Нога неприятно загудела, лицо перекосилось от боли, в щёки ударила краска. Бафф ухмыльнулся, зеваки охнули, прохожие замедлили ход, вникая в подробности внезапного «шоу».

– Лжец! – выкрикнул Бафф из-за спины офицера.

– Сказали – отвечать честно, неотёсанный ты дурак! – прохрипел полицейский с дубинкой. Он скалой возвышался над Тони, готовый к повторной атаке. Даже в голосе его были нотки боли.

– Так теперь работает полиция? – поднимаясь, спросил Тони и отряхнулся. – Помнится мне, есть инструкция...

– Не верьте лжецу! – снова выпалил Бафф, и Тони смерил его злобным взглядом.

– Вам придётся проехать с нами, – проговорил капитан Ричард. – У нас есть достаточные основания полагать, что вы состоите в сговоре с преступным синдикатом по распространению запрещённой литературы.

– Сомневаюсь, что они и правда достаточные, – донёсся

властный голос, и к группе полицейских приблизился человек в чёрном костюме. Подошёл он неспешно, словно прогуливаясь мимо. На лбу его голубым светом горел заветный рейтинг – «99». Тони насторожился. Полицейские замешкались на какое-то время и принялись переглядываться между собой, как будто не зная, как реагировать. Старший офицер пристально изучал вновь прибывшего собеседника, который вальяжно встал между ним и Тони.

– Сэр, отойдите на несколько шагов назад, – приказным тоном возразил капитан Ричард. – Вы мешаете оперативным работам.

– Оперативные работы по задержанию мусорщика? – усмехнулся человек в костюме, ещё немного приблизившись. Дистанция сделалась некомфортной настолько, что офицер отступил на шаг назад. – Вдвоём, конечно, вы бы не справились.

– Если вы не повинуетесь приказу, мы будем вынуждены применить силу, – положив руку на пистолет, проговорил Ричард.

– Не волнуйтесь так сильно, – вальяжно сказал мужчина. – Я оказался здесь не случайно.

Старший офицер достал сканер и направил на человека в костюме, который наблюдал за этой процедурой с любопытством и вызовом.

– Кто вы такой? – оторвав взор от экрана, удивлённо проговорил Ричард. – Почему вас нет в полицейской базе?

– Если нет, значит вам не нужно этого знать, – ответил человек.

– У меня приказ от начальника полицейского управления города Тридцать Два, – он показал на карманном компьютере распоряжение с подписью. – Этот человек подозревается в серьёзных преступлениях.

Мужчина в костюме рассмеялся. Он хохотал искренне, заливаясь словно младенец. Затем он достал из внутреннего кармана шёлковый носовой платок и утёр проступившие слёзы. Полицейские недоумённо переглядывались.

– Я могу снять этого начальника одним движением века, – наконец проговорил мужчина тоном, который не походил на ложь. – Вы, ребята, весельчаки тут, как я погляжу. Мускулистые, властные, аж глаз радуется. Но веселье моё, вызванное вашей тупостью, может резко смениться на гнев. А если уж это случится...

– Я подчиняюсь исключительно своему руководству, – набравшись смелости, выпалил старший офицер. Выпятил грудь вперёд, медленно осознал, что прервал незнакомца и попятился, понизив тон. – Руководствуюсь только внутренними инструкциями и законами города Тридцать Два. И я не позволю гражданским лицам, пусть даже и облечённым властью, вмешиваться в рабочие процессы.

– Что ж, – равнодушно пожал плечами человек в чёрном костюме, – тогда мне придётся брать инициативу в свои руки.

Он сделал движение правой рукой – лёгкое и грациозное, как будто смахнул невидимую букашку с пиджака. Рейтинг полицейского после этого незамысловатого жеста пополз вниз – цифры быстро сменялись, подсветка также менялась в такт. Собравшиеся зеваки с ужасом наблюдали за картиной, пока рейтинг полицейского не опустился до единицы. Ричард, до конца ещё не осознавая, что происходит, смотрел испуганно то на своих коллег, то на человека в чёрном костюме, то на Баффа, который и сам сделался от увиденного белым как пелена.

– Теперь вы, бывший офицер Ричард, получили статус маргинала, – торжественно проговорил человек в костюме. – Вы лишаетесь всех своих званий и наград, лишаетесь работы в полиции и даже класса. Отныне вы – вне закона. Надеюсь, ваш новый начальник сделает всё, чтобы борьба с маргиналами в А-17 как можно быстрее набирала обороты.

Старший офицер скрипнул зубами, выхватил из кобуры пистолет и направил его на мужчину. Рука его дрожала.

– Это не получится, – покачал головой человек в чёрном костюме. – Применение оружия доступно лишь при наличии лицензии и рейтинга выше семидесяти. Ни того, ни другого у вас теперь нет. К тому же атаковать или задерживать лиц с рейтингом «99» также строжайше запрещено законом. Итак, – он по очереди посмотрел на оставшихся офицеров, обескураженных и остолбеневших. – Ты теперь старший, – он указал на офицера с наивысшим рейтингом. – Бегом в

Управление. Расскажите всё как было, слегка приукрасите, слегка приврёте, чтобы не опорочить честь мундира. Мусорщик пойдёт со мной, а с маргиналом делайте то, что нужно. Вопросы есть?

Никто не ответил. Никто больше не решился препятствовать.

– Что ж, тогда вперёд, – он указал Тони дорогу. Тони стоял как вкопанный, не решаясь на действие. – Или ты остаёшься? – как бы невзначай спросил мужчина.

Тони посмотрел на Баффа, уловил в толпе обескураженный взгляд Дона, бегло оглядел прочих соседей и двинулся вслед за человеком в костюме. Они проследовали к припаркованному у остановки чёрному автомобилю без каких-либо опознавательных знаков. Огромных размеров, с блестящими вставками, вытянутым агрессивным капотом и синей подсветкой, этот монстр выглядел в местах, подобных району А-17, слишком уж диковинно.

– Садись, – раздался очередной приказ, и Тони ничего не оставалось кроме как подчиниться.

Он забрался внутрь и уселся в кресло из мягкой белоснежной кожи. Человек в костюме забрался следом и присел рядом. Дверь автоматически закрылась, как будто отрезав их от внешнего мира – не было больше уличных шумов и вони. Аромат цитруса и мяты внутри заставил Тони закрыть глаза от удовольствия.

– На базу, – скомандовал мужчина, и автомобиль плавно

тронулся. – Нравится? – спросил незнакомец, глядя, как блаженствует Тони. – Так должен пахнуть этот мир. Хотя, чтобы расчистить ваш гадюшник, нужно будет как следует потрудиться.

– Я не знал других запахов, кроме смрада, – ответил Тони. – И привык к ним настолько, что теперь мне кажется, будто я в раю.

– Ты и есть в раю, это ведь «Майбах». Нерон, – протянул руку мужчина.

– Тони. – Руки соприкоснулись в твёрдом рукопожатии, Тони ощутил импульс, пробежавший по всему телу. – Простите, но я не совсем понимаю...

– Ещё бы, – прыснул Нерон, не дав договорить. – А ведь это, вероятно, самый волнительный момент в твоей жизни. Я в большом предвкушении. Скажи, Тони, сколько раз ты видел меня ранее? – вдруг спросил он.

– Три, – тут же ответил Тони. – В поезде, в сквере и вот теперь – третий.

– А на самом деле их было девять, – развёл руками Нерон. – И вот теперь – десятый. Странно, правда? Как можно не заметить человека в приличной одежде и с максимальным рейтингом в этом клоповнике?! – Он утёр платком затылок, поморщился. – Эти командировки в самые отсталые города меня когда-нибудь доконают. Но суть не в этом.

– Так в чём же суть? – спросил Тони. – Вы следили за мной, меня едва не взяли, обвинив в преступлении, а теперь

я еду в автомобиле с человеком, который простым движением руки меняет рейтинг. Это не укладывается в голове.

– Лишь небольшая часть моих фокусов, – самодовольно улыбнулся Нерон. – Никогда не могу устоять, прости мне эту слабость, уж очень хотел произвести впечатление. Ох уж это позёрство... Видел бы ты свои глаза... Однако я отвлёкся. Если бы ты не побежал от меня тогда, в сквере, ситуации с полицией можно было бы избежать.

– Я думал...

– Я знаю, что ты думал, Тони, – снова прервал Нерон. – И не виню тебя, ведь ночь с той симпатичной барменшей куда более перспективное окончание вечера, чем беседы со странным мужиком. Сколько книжек прочитали вместе?

– Да собственно говоря...

– Не напрягайся, – рассмеялся Нерон и дружески хлопнул его по плечу. – Я давно за тобой слежу и многое о тебе знаю. Возможно, даже больше, чем ты сам. Честно говоря, я был поражён. За мою продолжительную карьеру мало кто мог удивить меня. Ты удивил, но не обольщайся раньше времени. Для начала мы сопоставим все данные, а уж потом будем общаться более предметно.

– Не совсем понимаю, о чём идёт речь, – пожал плечами Тони. – Как непонятно мне и то, кого вы представляете и какой интерес могу вызвать я.

– Не беги впереди повозки, Тони. Всему своё время. Для затравки скажу тебе вот что – будь готов ко всему. Готовь-

ся к самому невероятному повороту событий. Возможно, именно этот день станет переломным в твоей жизни, а может быть, он станет и самым крупным твоим разочарованием. Моя задача в этой истории проста – я должен собрать данные, разыскать тебя и привести в условленное место. Из трёх пунктов я выполнил два. Так что вопросы вроде «что со мной будет» или «куда меня везут» – сейчас неуместны.

– Могу ли я отказаться? – вдруг спросил Тони.

– Только дурак добровольно отправится за решётку, – ответил Нерон. – Выбор ведь у тебя невелик: идти со мной или с полицейскими напрямиком в тюрьму. Оттуда, скорее всего, ты никогда не выйдешь. Будущее, покрытое мраком.

– Я и без того не знаю, что меня ждёт дальше. Смену я пропустил, а за это с меня спишут баллы. Сегодня в полдень я стану маргиналом, и радоваться тут, по-моему, нечему.

– Да, Тони, твои проблемы берут за душу, – саркастично рассмеялся Нерон. – Бедный, бедный мальчик.

– Возможно, вы не знаете, что ждёт маргиналов...

– Это ты не знаешь, что ждёт тебя, – был ответ. – А когда узнаешь, то проблемы маргиналов, мусорщиков, полиции и прочего, чем ты жил все свои двадцать лет, покажутся тебе шутками юности.

Машина остановилась, и стекло с той стороны, где сидел Нерон, опустилось. Показалась голова дорожного патрульного – в клетчатой фуражке, гладко выбритый и краснощёкий, он заглянул в салон. Тони занервничал.

– Ты не знаешь, чья это машина, офицер? – спросил Нерон. Резко, грубо.

– Я... – донеслось нечто похожее на мычание, – я тут новенький, сэр. Ещё не совсем...

– Открывай проезд и убери своё лицо из салона! Тут снаружи воняет. Живо!

– Да, сэр, – кивнул патрульный, – слушаюсь! То есть... уже открываю.

Лицо его пропало, он быстро дошёл до контрольного пункта и отдал команду. Шлагбаум, перегораживающий проезд в тоннель, поднялся, открывая дорогу. «Майбах» нырнул в темноту.

– Вот и всё, – торжественно проговорил Нерон, усаживаясь в кресле поудобнее. – Город Тридцать Два позади. Так делается история, Тони.

– Я... – слова застряли у Тони в горле. Он с трудом мог говорить, наблюдая за бегущими в окнах фонарями. – Я никогда не покидал...

– Знаю, – усмехнулся Нерон. – Ты никогда не покидал даже своего сраного А-17, а тут мы махнули через Стену и теперь двигаемся с сумасшедшей скоростью в сторону города номер Один.

– Но ведь там... – Тони запнулся. – Там...

Нерон лишь улыбался.

Глава 4

Чёрный «Майбах» вырвался из темноты тоннеля, попав на широкую магистраль, и тут же был обласкан лучами яркого солнца. Солнце, которое проникало в салон автомобиля даже сквозь тёмные окна, никогда не светило так ярко над районом А-17. Позади остались сто шестьдесят две мили протяжённого тоннеля, соединяющего Тридцать Второй город с городом Первым. Тоннель пошёл дальше на север, пронизывая насквозь всю территорию страны важнейшей транспортной артерией. Масштабы, представшие перед глазами Тони ошеломляющими сценами, заставляли его даваться диву. Многоуровневые развязки, состоящие порой из десятков магистралей, уходили далеко ввысь, на немыслимые расстояния от земли. По шоссе носились автомобили – грузовой беспилотный транспорт, спортивные автомобили, автобусы и мотоциклы. Параллельно основным дорогам шли монорельсы – серебряные остроносые поезда молниями мелькали мимо машин. Ещё выше – над всеми трассами – парили пассажирские коптеры – разных размеров и конструкций, они двигались по воздушным правилам – упорядоченно и чётко. А глубоко под землёй ходило метро – грузовые поезда, курсирующие между районами и городами, перевозящие товары и сырьё.

Они ехали на третьем уровне, метров на пятьдесят воз-

вышаясь от земли. Двигались так примерно пару миль, пока автомобиль не свернул вправо, следуя указателю с надписью «Зелёные Холмы». Спустились на два уровня ниже, попав на основную магистраль. По обеим сторонам от дороги пестрили деревья, вдоль трассы сотнями виднелись аккуратные белые ветряки, неустанно вырабатывающие энергию. На рекламных панелях вдоль шоссе высвечивались курсы валют, списки ближайших зарядных станций, погода, состояние трафика на дорогах. Тони заметил также баннеры с изображением мужчины в белом халате, которые через один разбавляли остальные рекламные панели. Мужчина на изображении был худощав, носил круглые очки и имел проникновенный умный взгляд. На плакате ярко-красные буквы гласили: «Разыскивается».

– Кто это? – спросил Тони.

– Что? – взбудоражился Нерон. Тони оторвал его от дрёмы. – Что ты говоришь?

– Прости, что разбудил, – Тони потупил взгляд. – Я лишь спросил, что это за мужчина, который разыскивается. Очень много изображений с его личностью.

– Доктор Тайлер, – ответил Нерон, потягиваясь. Он посмотрел в окно. – Пропавший год назад нейробиолог. Один из гениев современности. Никто уже не верит в то, что его удастся найти, но коллегия учёных не сдаётся. Выделяет сумасшедшие деньги на поиски. Один такой баннер на этой трассе стоит целое состояние.

Автомобиль свернул со скоростного шоссе, и они попали на узкую дорогу, по краям которой виднелись небольшие уютные жилые домики. Домики были однотипными, с зелёными аккуратными лужайками у входа, ухоженные, утопающие в тени деревьев. Движение здесь было тихим – дороги почти пустовали. По тротуарам ходили люди: кто-то выгуливал собаку, кто-то просто прогуливался, болтая и развлекаясь. По выделенным дорожкам катались велосипедисты и роллеры. Прохожие выглядели прилично – подтянутые, опрятные, в чистой выглаженной одежде. Определить класс таких людей на взгляд не представлялось возможным, но рейтинг у них редко был ниже «80». Почти в каждом квартале были выстроены спортивные и детские площадки. Взрослые занимались на турниках, приседали, делали упражнения. Дети катались на горках и играли в песочницах. Тони было невдомёк, зачем помимо основной работы, и без того оставляющей к концу дня без сил, нужно было дополнительно нагружать организм. К тому же ему показалось странным, что люди в середине дня могут находиться не на работе. Он хотел задать этот вопрос Нерону, но не решился его потревожить, быть может, побоялся показаться глупцом. С упоением он наблюдал за жизнью в «Зелёных Холмах» – безмятежной и счастливой. Что это за рай такой? Что он, мусорщик, забыл в этом раю? Его охватило чувство радости, он просто радовался за этих людей, по-настоящему был за них счастлив. Его одолевало чувство эйфории от всего нового,

оттого что он прикоснулся к этому чудному миру, миру, о котором и не подозревал.

Уютные жилые массивы сменил пейзаж иной – корпоративный район «Зелёных Холмов». Технологичные здания, вобравшие в себя смелые архитектурные решения – от аскетичных геометрических офисов, до воссозданных с поразительной точностью шедевров Гауди. На парковках у корпоративных центров скучали автомобили самых разных моделей, мотоциклы, самокаты и частные коптеры. Каждая парковка изобиловала зарядными станциями. «Майбах» свернул с дороги и въехал на небольшую парковку, заставленную в основном малыми электрическими автомобильчиками. Машина остановилась. Автопилот доложил о завершении маршрута. Тони и Нерон выбрались наружу после трёхчасовой поездки. Перед ними предстало трёхэтажное чёрное здание из стекла, напоминающее бесшовный куб. Куб этот стоял посреди ярко-зелёного газона, в отдалении от прочих строений. Перед зданием расположился небольшой фонтан, а сразу за ним виднелась скромная белая надпись на чёрной мраморной плите: «Микромир».

Тони с удивлением уставился на Нерона.

– Мы приехали в офис «Микромира»?

– А что тебя удивляет? – разминая суставы, спросил Нерон. – Мне больше интересно, откуда ты знаешь что-либо об этой компании.

– Все знают, что современные ПАЧи выпускаются «Мик-

ромиром», – пожал плечами Тони. – В моих кругах такие корпорации называют поработителями. Иногда угнетателями, реже – монополистами, что звучит обиднее всего.

Нерон выдавил из себя что-то похожее на улыбку.

– Да, «Микромир» получил контракт на вживание ПАЧей для всех жителей города Тридцать Два. Это было ещё на заре компании. Теперь «Микромир» входит в совет правления Новыми Штатами Запада и является одной из пяти крупнейших корпораций на Западе. Но вот насчёт «поработителей»... Нужно поработать над формулировкой, слишком топорно.

Стеклянный Куб встретил их панелью безопасности – сетчатка глаз, отпечатки пальцев, образец голоса.

– Здравствуй, Лея, – поприветствовал при входе Нерон.

– Добрый день, Нерон, – прозвучал из динамиков приятный женский голос. – Кто этот симпатичный молодой человек?

– Тони, мусорщик, – ответил Нерон, сделав акцент на слове «мусорщик». – Пройдёт по моему доступу, пока не получит собственного. Будет входить с кем-либо из совета директоров или с куратором. И позови Клео.

– Понятно, – раздался ответ, и двери открылись. – Приятно было познакомиться, Тони. Никогда раньше не встречала мусорщиков.

Они прошли внутрь, оказавшись в просторном светлом холле с высокими потолками. Слышался плеск воды, всюду

были зелёные растения и цветы, виртуозно интегрированные в современный стеклянный интерьер.

– Остроумный у вас ИИ, – осматриваясь, сказал Тони.

– Лея? – переспросил Нерон. – Да, дважды получала премию «Лучший корпоративный ИИ года». Стандартная программа трёхгодичной давности, но переработанная и дополненная нашей Жанной. Творит чудеса, развивается молниеносно. Кто только не порывался купить этот код.

В центре холла Тони заметил скульптуру – чёрный круг, из которого вырываются две ярко-красные руки, как будто тянущиеся к небу. Руки простирались под самый свод куба, метров на тридцать ввысь, и почти упирались в потолок. Тони качнул головой, проводя аналогии с монументом на площади Филимона, чем-то напоминающим этот.

– Символ свободы, – прокомментировал Нерон, скрестив руки на груди. – «Даже, когда нет выхода, нужно бороться» – кажется, это звучало как-то так. В общем, символизирует борьбу человека за свободу и всё такое.

– Знакомо, – кивнул Тони. – Подобные творения я уже встречал у себя в районе.

– Если ты говоришь о памятнике рабочим, то его вряд ли можно назвать «подобным творением». Здесь идеальная геометрия, пропорции. Утром тень от памятника напоминает страдающего и подавленного человека, держащегося за голову. Вечером – человека, воспарившего духом и готового к действию. Это – искусство. Памятник рабочим – инструмент

пропаганды. Стоит различать такие вещи.

По витиеватой лестнице, которая расположилась сразу за скульптурой, спускалась девушка. В чёрной футболке с логотипом «Микромира» на левой стороне – полукруг с красной полосой посередине, в просторных джинсах и белых кедах. В руках она держала планшет – тончайшее устройство с экраном, какими на свалке, где работал Тони, пользовались только боссы. На вид ей было лет двадцать пять – небольшого роста, короткие волосы розового цвета, глаза резко подведены чёрным, ресницы неестественно длинные. Рейтинг её был, как и у Нерона, наивысшим – «99». Она спустилась в холл и приблизилась к скульптуре, которую облюбовали Тони и Нерон.

– Неужели? – девушка приятно улыбнулась, обращаясь к Нерону, а затем перевела взгляд на Тони, внимательно его рассматривая. – Он?

– Ну вот и проверь, – буркнул Нерон. – Твоя же работа.

– Ой, я уже и забыла, как хорошо нам тут жилось без твоей мрачной брутальности, – протараторила она. – Клео, – девушка протянула руку.

– Тони, – представился он и пожал её. Заглянули друг другу в глаза – интерес был обоюдным. Она – оценивала его по каким-то неведомым ему параметрам. Он – с точки зрения женской привлекательности.

– Что ж, – пожал плечами Нерон. – Я свою часть работы сделал. Теперь пора и отдохнуть.

– Только сильно не расслабляйся, – усмехнулась Клео. – Ах да, я же забыла, что ты не умеешь этого делать.

– Смешно, – скупно процедил Нерон. – Он ещё ничего не понимает, так что поаккуратней там.

– Да уж разберусь как-нибудь, – прыснула она и снова с любопытством заглянула в глаза Тони. – Ну, Тони, пойдём со мной, не терпится начать.

* * *

– На втором этаже расположены офисы для менеджеров, – бегло говорила Клео, попутно указывая на рабочие места, половина из которых пустовала. Пространство было общим, разделялось лишь стеклянными перегородками. За компьютерами работали молодые ребята не старше двадцати пяти – почти все с максимальным рейтингом. Они с любопытством поглядывали на Тони, но делали это деликатно.

– Большинство предпочитает работать в парке, и мы это только поощряем, – продолжала Клео. – Многим лучше дуется на зелёной траве в тени деревьев. Ну а здесь в основном аллергики и сильно потеющие.

Тони улыбнулся. Они прошлись вдоль рабочих мест, свернув к лестнице, которая вела наверх.

– Лифтов в этом здании нет. Причуды создателя – в век технологий он отказался от этого полезного изобретения, чтобы сотрудники больше ходили. На третьем этаже лабо-

ратории, производственные площади, бухгалтерия, в общем, самые скучные люди обитают именно тут, – вела экскурсию Клео. – Сейчас мы пройдем в медицинский кабинет для сдачи анализов.

– Моих анализов? – удивился Тони.

– Ну не моих же, – пожала плечами Клео. – Это обязательная процедура, ничего необычного – сдашь кровь, пройдёшь пару тестов.

– Зачем это нужно? – Тони остановился в напряжении. Клео остановилась вслед за ним.

– Нам нужны образцы, чтобы сверить кое-какие данные, – ответила она. – Скажем так, по результатам этих данных мы сможем понять, подходишь ты нам или нет.

– Прости за количество вопросов, но подхожу куда?

– В сотрудники «Микромира», – она развела руками. – Я думала, ты давно догадался, что мы привезли тебя сюда не для обмена любезностями.

– Я не совсем понимаю свою ценность...

– Пока тебе и не нужно её понимать, – не дала договорить Клео. – Как только мы удостоверимся, что эта ценность имеет место быть, получишь контракт на работу. А уж потом тебе всё расскажут и всему обучат. Так ты готов или поедешь обратно?

– Это уже второй раз за сегодняшний день, когда мне выдвигают подобный ультиматум, – ответил Тони и двинулся дальше, не дожидаясь ответа. Клео усмехнулась и присоеди-

нилась к нему.

Медицинский кабинет представлял собой белоснежную яркую комнату, пропитанную ультрафиолетом. Кушетка, несколько незнакомых Тони аппаратов – вот всё убранство.

– Лея, медбрата сюда, – скомандовала Клео, когда они вошли. Тони уселся на кушетку.

– Уже здесь, – раздался голос искусственного интеллекта, и из двери с надписью «Лаборатория» появился андроид. Сантиметров сто высотой, белый, блестящий, с чёрной полоской вместо глаз. Он походил на более усовершенствованную модель андроидов, работавших на свалке. Только те были из прочного металла вместо пластика и передвигались на колёсах, этот же был оснащён магнитной подушкой и как будто парил в воздухе. Клео подошла к одному из шкафов, достала скарификатор размером с мизинец. Тони подвернул рукав рубашки. Клео присела рядом, протёрла место укола спиртом, приложила устройство к запястью, раздался щелчок. Процедура заняла пару секунд – анализы переключались в отсек, который предоставил андроид.

– Спасибо, – донёсся голос, и скарификатор заехал внутрь робота вместе с появившейся в районе его «живота» ячейкой. – Идёт обработка данных.

– Руку на сканер, – проговорила Клео. – Нужно изъять данные из ПАЧа.

Тони приложил запястье к чёрному небольшому полю на голове андроида. Несколько секунд, и процедура была закон-

цена.

– Спасибо, – вновь повторил андроид. – Идёт обработка данных.

– Вот и всё, – заключила она. – А ты боялся. Пока данные обрабатываются, – она попыталась встать, но Тони схватил её за руку. Крепко.

– Я хочу, чтобы ты понимала, – тихо проговорил он, сжимая её запястье, – тяжело смотреть человеку в глаза с уважением, после того как тебе не оставили выбора. Вы окунули меня в незнакомые воды, хотя я и плавать-то не умею. Поддерживаете меня на плаву, но если я что-то сделаю не так, отпустите. Запугать меня сложно, как и любого человека, которому нечего терять. Если вы меня изучали, то должны знать, что я не из робкого десятка. Поэтому я хочу предупредить, что если ваши цели и вправду благие, то начали вы не с той ноты.

Клео внимательно выслушала, а затем сделала резкое движение, вывернувшись. Пальцы Тони ослабли, она перекрутилась, схватила его руку под локоть и заломила так, что ему пришлось спрыгнуть с кушетки и согнуться, присев на одно колено. Клео стояла позади, поддерживая его локоть одной рукой. В плече жутко ломило, но каждая попытка выкрутиться отдавала ещё более сильной болью, и он перестал сопротивляться, стараясь расслабиться. Клео приблизилась к нему, губы её оказались у его уха.

– Что ж, ты выговорился, теперь скажу я. Тебя притащили

сюда из мусорной ямы, потому что мы увидели в тебе зерно. Это зерно – твой пропуск в новый мир. Если вдруг ты нам не подойдёшь, но в голове твоей уже будет много лишней информации, придётся тебя устранить. Физически, Тони. Поэтому, прежде, чем давать ответы на вопросы, нам нужно кое в чём удостовериться. Я надеюсь, что данный инцидент не покинет этого кабинета, во имя твоего же блага, потому что не с той ноты начал именно ты.

– Есть проблемы, Клео? – донёсся тревожный голос Леи.

– Никаких, – ответила она и ослабила хватку. Тони распрямился и схватился за ноющее плечо, скорчившись. Они снова встретились с Клео взглядами – девушка смотрела смело, и Тони сделалось по-настоящему стыдно.

– Прости, – вдруг выпалил он. – Я пожалел, что так сказал. Во мне говорит дикарь, воспитанный в суровых условиях. Я не знаю... Не знаю, как себя вести здесь.

– И ты прости, – кивнула Клео. – Во мне тот же дикарь, и это вовсе не плохо. Но предупреждению моему внемли, иначе далеко ты так не уйдёшь.

* * *

– До того как попасть в «Микромир», я работала в службе спасения, – говорила Клео. Они сидели за столиком в кафетерии, расположившемся в холле Куба, попивая кофе. Тони ел сэндвич с курицей и рассматривал интерьеры. Близил-

ся вечер, сотрудники компании собирались по домам. Пахло выпечкой и свежим кофе. – Так распорядилась Машина. Я жила обычной жизнью, predetermined мне с рождения. Не знала родителей, не имела доступа к информации, собирала этот долбаный рейтинг и мечтала попасть на Остров. Всё как у всех, – она пожала плечами. – Единственным преимуществом было то, что я родилась в Первом городе, а это уже огромная фора по сравнению с другими городами. Здесь своя жизнь, свои правила. Иные коэффициенты на заработок и списания – в общем, даже рабочим тут куда слаще, чем в том же Тридцать Втором. Пять лет назад я попала сюда, в «Микромир», и жизнь моя с тех пор изменилась. Теперь я отвечаю в компании за персонал – его психическое и физическое состояние, осуществляю подбор топ-менеджеров, провожу анализ в области найма, обучаю людей. Я занимаю должность директора по персоналу и вхожу в совет директоров. Неплохо для той, кто приготовился посвятить всю жизнь сидению на стуле в ожидании очередного тревожного звонка.

– Как ты сюда попала? – спросил Тони, отпив кофе. – Как происходит этот отбор?

– Есть кадры типичные, – улыбнулась Клео, – и есть кадры «особые». За особыми кадрами идёт круглосуточная охота, настоящая борьба между корпорациями. Но не многие боссы знают, что есть и третий тип кадров – «одарённые». О, эти ребята стоят куда дороже даже сотни «особых». Они, как

правило, результат ошибки, совершённой Машиной. Находятся не на своём месте, живут не своей жизнью. Да, Машина тоже ошибается, хоть и весьма редко. За последние годы в каждой корпорации были созданы целые департаменты по поиску подобных индивидов. Так меня и нашли.

– Значит ли это, что и я мечу в «одарённые»?

– Значит, Тони. Но не обольщайся раньше времени, пока мы всё не перепроверим. Нет ничего хуже разочарования, когда до заветной цели остаётся сделать один лишь шаг.

– Вот вы где! – раздался голос, и за столик буквально запрыгнул парень лет тридцати. Он был невысок, с тёмными взъерошенными волосами и раскосыми глазами. Рейтинг его был, конечно, «99». Он поцеловал Клео в губы, а затем протянул руку Тони. – Приветик, я Траян, технический директор в этой конторе.

– Тони.

– Значит, пополнение в команде, – не отпуская руку, проговорил Траян. Тони поглядел на Клео, тряся руку Траяна. – По глазам вижу – парень что надо. Крепкий – это хорошо. Смышлёный? – он обратился к Клео.

– Ещё выясняем, – ответила она. – Так что ты рановато с поздравлениями.

– Ай, брось, – он махнул свободной рукой. Правая всё ещё держала руку Тони. – Считай, что он уже с нами, я это чувствую. Ох, так и предвкушаю поход в бар – девчонки, текила, кокаин... Или ты парней предпочитаешь?

– Эй, спокойно, – прервала его фантазии Клео. – Если Тони и попадёт в «Микромир», то уж точно не для походов по барам и уж наверняка не с тобой.

– А что тут ещё делать? – пожал плечами Траян. – Жизнь одна, бери её, как говорится, за яйца и вперёд... А работа никуда не денется. Слушай, братишка, я тебе такие места покажу... У вас там... Откуда ты, кстати?

– Из Тридцать Второго.

– Оу, – скорчил рожу Траян, и лицо его усыпали мелкие морщины вокруг носа. – Значит, будешь постигать жизнь заново. Бывал я у вас – заключали сделку на продажу чипов для андроидов, работающих на свалках. Даже моя родная дыра в Четырнадцатом городе будет поприличней. Ты держись меня, – поднимаясь, проговорил он, отпустил, наконец, руку Тони и хлопнул его по плечу, – и тогда не придётся каждый день слушать про то, какая тяжёлая и несправедливая эта жизнь. Да, Клео? – он подмигнул. Клео в ответ показала средний палец. – Бывайте, ребятки! Держу за тебя кулачки, бро.

Он быстрым шагом ретировался в сторону лестницы. Клео лишь пожал плечами, оставляя данное появление без комментариев.

* * *

Тони сидел в переговорной, ожидая Клео. Ожидание заты-

нулось на пару часов вместо обещанных пятнадцати минут. На улице уже давно стемнело, Куб опустел, и в здании остались несколько человек из совета директоров, охранники и уборщики. Желудок неприятно урчал, напоминая о себе, полезные мысли напрочь отказывались посещать голову, а довершал фрустрацию запах его собственного пота, заполонивший небольшую комнатуху. Клео ворвалась, когда Тони ходил из одного конца комнаты в другой – он снял обувь, убрал руки за спину и пытался размышлять, по крайней мере делал вид, что размышляет. Вздрогнув от столь внезапного появления, он метнулся к столу, наскоро натянул кроссовки и уселся, положив руки на стол.

– Планшет, – отдышавшись, проговорила она и положила на стеклянный стол свёрнутое устройство, – здесь контракт на работу в «Микромире». Прочитай, сто тридцать две страницы.

– Я принят на работу? – придвигая планшет, с недоверием спросил Тони.

– Пока нет. Как подпишешь, считай, принят. И назад дороги уже не будет.

Тони развернул планшет, впервые в жизни имея дело с этим устройством. Раньше ему доводилось лишь видеть подобные изобретения у представителей иных классов. Гибкий экран загорелся чёрным, поползла полоса загрузки. Было предложено идентифицировать личность, приложив запястье к сканеру.

– Менеджер департамента по взаимодействию с регионами? – оторвавшись от экрана, спросил Тони. – Ты думаешь, я знаю, что это вообще такое?

– Думаю, ты знаешь, как управлять погрузчиком, вечером трахать барменш, а ночью почитать Гюго. Научишься, ты парень смышлёный, не парься, – Клео махнула рукой. – Я два часа провела на переговорах в совете директоров, и эти совещания безумно выматывают, так что читай быстрее, подписывай и отправимся по домам. Давай поскорее покончим с формальностями.

– Что ж, – уверенно сказал Тони, – значит, тебе придётся подождать, пока я не вычитаю этот контракт до дыр. Раз уж ты взялась за моё воспитание, будь добра, дай мне, прежде чем принять самое важное решение в своей жизни, хотя бы прочесть, под чем я подписываюсь.

Клео закатила глаза, фыркнула, затем сбросила кеды и направилась к холодильнику. Открыла дверцу, достала с полки начатую бутылку виски и плеснула себе немного в стакан. Она уселась напротив Тони, который с удивлением наблюдал за её действиями, и закинула ноги на стол.

– Ну, чего уставился? – отхлебнув виски, спросила она. – Читай, ты же так любишь это занятие.

Тони прыснул и погрузился в буквы. Многое из написанного было ему непонятно, и он не гнушался заваливать Клео вопросами. Она отвечала охотно, подбадриваемая виски в своём стакане. Выяснилось, что «Микромир» управлялся

советом директоров, который возглавлял собственник, он же – исполнительный директор, он же – создатель. Также в совет входили: директор по персоналу, собственно Клео, технический директор – Траян, директор по развитию, директор по взаимодействию с регионами, финансовый директор и директор по инвестициям. Фирма подразделялась на департаменты, которыми управляли соответствующие директора. Всего в «Микромире» работали сто двенадцать сотрудников. Тони вычитал, что ему положено жильё на территории корпоративного кампуса и бесплатное перемещение на любом виде транспорта в Первом городе. Рабочий график – с девяти утра до пяти часов дня. Фирма обязалась поддерживать рейтинг менеджеров на уровне не ниже восьмидесяти, а также обеспечивать ежемесячный оклад в размере пяти тысяч кредитов.

– То есть мне будут повышать рейтинг независимо от того, как я работаю?

– Конечно, – кивнула Клео. – Каждую пятницу всем сотрудникам, чей рейтинг упал ниже восьмидесяти, его поднимают. Но у нас в компании это случается редко. Почти у всех он и без того максимальный. У членов совета директоров и некоторых «особых» сотрудников рейтинг зафиксирован на уровне «99».

– Зачем тогда нужны эти кредиты?

– О господи, ты и этого не знаешь?! – Клео подняла брови. Она опрокинула стакан и под села поближе. – Креди-

ты – это основа экономики Первого города, впрочем, как и нескольких других развитых городов НШЗ. На кредиты ты можешь покупать товар, который не продаётся за рейтинг – оружие, дорогие автомобили, элитную недвижимость, алкоголь и прочие радости жизни. Запомни – самые ценные и редкие товары можно купить только за кредиты. К тому же Центр производит взаиморасчёты с регионами в кредитах, которые до этого конвертируются из рейтинга, а после совершения сделки снова конвертируются в рейтинг по курсу, который устанавливают региональные банки.

– И сколько стоит дорогой автомобиль?

– За приличный придётся отвалить тысячи две, – пожалала плечами Клео. – Но это к Траяну, он у нас спец по технике. Хотя не вижу в этом смысла, ведь всем сотрудникам и без того выделяют транспорт.

Тони, переваривая сказанное, вернулся к тексту. На чтение был убит почти час – Клео успела прикончить бутылку и смотрела на Тони с полным негодования взором. Наконец, дойдя до последней страницы, он приложил палец к графе, где красовалось его имя и идентификационный номер. Контракт был заключён. Он поднялся и протянул руку.

– Поздравляю, – пожимая её, сказала Клео и подскочила с места. – Теперь ты в «Микромире». Надеюсь, что оправдаешь наши надежды.

В этот же вечер его заселили в кампус, где проживали сотрудники «Микромира». Несколько корпусов трёхэтажных старинных зданий из красного кирпича, по стенам которых вился зелёный плющ, представляли собой закрытый периметр в паре сотен метров от Куба. Внутренний двор был оборудован бассейном, зоной барбекью, залом для занятий спортом. Тони досталось место на втором этаже в третьем корпусе. Квартира оказалась куда просторней конуры в доме 66-31, где он провёл всю свою жизнь. Здесь было чисто и уютно, окна выходили во двор, где сотрудники жарили мясо и купались в бассейне.

– Здесь вещи, – Клео открыла шкаф. Футболки разных цветов, джинсы, кеды, пара строгих костюмов, нижнее бельё, полотенца. – Размеры твои, выбирай, что хочешь. Там, – она указала на ванную комнату, – всё для гигиены.

– Ограничения по времени пользования водой есть? – спросил Тони.

Клео лишь усмехнулась, не посчитав нужным отвечать.

– Интерьер можешь менять в соответствии с собственными предпочтениями, – она подошла к пульту управления «умным домом». – Разберёшься, что к чему. В планшет загрузишь все необходимые базы данных, наполнишь его по своему усмотрению, сориентируешься, в общем. Нейросеть

там стоит наша, очень быстрая и умная.

– То есть это мой личный планшет? – глянув на устройство, которое Клео дала ему в переговорной, спросил Тони.

– Нет, будешь пером по пергаменту писать! – она рассмеялась. Тони потупил взор. – Теперь это самое важное устройство в твоей жизни – главный помощник и консультант. Вся информация выгружается в облако, синхронизируется с твоим чипом. Также в твой чип я загрузила пропуск на объекты «Микромира» и дала третий уровень доступа к пользованию ИИ. Есть ещё вопросы? – язык её заплетался, она пошатывалась от выпитого, и Тони пожалел её.

– Спасибо, Клео, – кивнул он. – Ты – отличный наставник.

– Вот только этого не надо, – она отмахнулась. – Ещё до обнимашек дойдёт. Завтра в девять утра тебя будет ждать лектор для начала обучения. Лекционная аудитория номер два, на первом этаже. Не опаздывай.

– Буду вовремя, – кивнул Тони. – Ещё раз спасибо.

Клео покинула квартиру. Тони рухнул на кровать, убрал руки за голову. Сил, чтобы раздеться не было. Его одолевали сотни мыслей, сердце дико колотилось, и только теперь он позволил себе искренне улыбнуться. Волнение захлестнуло его, он смеялся в голос, начиная осознавать, что с ним произошло. Ещё утром он был в своей затхлой комнате в вонючем городе, среди людей, которых он ненавидел, и вот теперь... Теперь он подписал контракт, который перевернул его жизнь с ног на голову. Он всё ещё не верил в то, что

это происходит с ним наяву. Он всё ещё сомневался и искал какие-то подводные камни, боялся, что эта сказка может закончиться. Глаза сами собой закрылись, и он провалился в сон. Это был долгий день.

Глава 5

– Значит, всё-таки, пробился! – Ящик прошёлся по комнате, отбросил в сторону зубочистку, плюнул на пол. – А я-то думаю, куда ты запропастился?

– Я ещё не уверен ни в чём, – Тони потупил взгляд. – И не позволю мешать мне.

– Дуралей, когда я тебе мешал-то? Или ты позабыл, кто кому должен, а?

– Нет, не забыл.

– То-то!

Ящик достал из кармана сигарету, закурил. Рукава его клетчатой рубашки были подкатаны, обнажая огромные волосатые ручки. Заплывшее лицо покрывала щетина.

– Сколько раз я помогал тебе, Тони? – вдруг спросил Ящик, выпуская дым из ноздрей. – Если бы не я, где бы ты был, а? Ну, отвечай!

– Не знаю, – тихо проговорил Тони. – Но я всегда тебе благодарен.

– Пожалуйста! Обращайтесь! И как ты без меня будешь справляться с этим всем?! А ну-ка садись, давай-ка пройдемся по всем пунктам с самого начала.

Лекционная аудитория номер «два» представляла собой светлый класс с трибуной для лектора, десятью партами, панорамными окнами, выходящими в парк, который прилегал к Кубу. В этой приятной аудитории единственным человеком был сам Тони. Он сидел за партой, вернувшись в те юные годы, когда приходилось проходить профильное обучение. Перед ним лежал его новый планшет, который успел пополниться десятком книг, найденных на просторах Сети, энциклопедиями и самыми разнообразными базами данных – от географических до финансовых. Тони облачился в белую футболку, голубые джинсы и белые кеды – теперь он почти не отличался от прочих сотрудников «Микромира». Единственным исключением был рейтинг, который жёлтым постыдным бельмом высвечивал на лбу цифру «34».

Лектор появился ровно в девять часов. Старичок лет семидесяти, невысокого роста, в забавных широких брюках, клетчатой рубашке и светлом измятом пиджаке. Волосы его были белоснежными, лицо гладко выбритым, на глазах виднелись круглые очки, в руках он нёс потрёпанный коричневый чемодан. При виде Тони он улыбнулся и проследовал к трибуне – резво, как будто ему было лет сорок. Поправив короткий зелёный галстук, мужчина откашлялся и проговорил:

– Доброе утро.

– Доброе, – кивнул в ответ Тони, понимая, что лекция будет персональной.

– Меня зовут Октавиан, – представился старичок. – Доктор исторических наук, профессор философии и политологии. Я занимаю в «Микромире» должность советника по культуре и историческому наследию.

– Очень приятно. Тони.

– Целью курса лекций, которые я буду вам читать, является приобретение знаний о мироустройстве и повышение общего уровня образования. Это базовый курс, который проходят все сотрудники «Микромира», прибывшие из регионов, где специфика обучения не позволяет широко взглянуть на происходящие в мире события. Сегодня я хотел бы поведать вам базовые элементы жизнеустройства современного общества. Только обладая подобными знаниями, вы сможете давать оценку событиям, проводить анализ, принимать решения, а также полноценно осознавать цели, которые преследует наша компания. К сожалению, доступ к информации для рабочего класса сильно ограничен – узкая специфика обучения позволяет изучить определённый набор информации, пригодной для приобретения лишь профессиональных навыков. Запрет на использование литературы и просветительских программ, а также запрет доступа к ресурсам Сети во всех городах НШЗ, кроме Первого, также сильно ограничивает кругозор. Однако я изучил вашу биографию, Тони, и

был польщён – к двадцати годам вам удалось прочитать более тысячи книг! При этом вы ни разу не дали себя обнаружить. Такое рвение к знаниям заслуживает уважения. Полученные вами знания, безусловно, дают вам возможность понимать прошлое нашего мира, которое усердно скрывается от рабочего класса. – Октавиан откашлялся и продолжил: – Когда-то мир был другим. Совершенно другим, Тони. Всё изменилось с приходом так называемой Пятой информационной революции, когда контроль над планетой Земля стали осуществлять технологические корпорации. В две тысячи тридцать шестом году произошла самая масштабная война в истории человечества, которую окрестили «Вселенской». Все воевали со всеми – почти шестьдесят стран мира были втянуты в этот конфликт – от сверхдержав до мелких колоний. Полыхала вся планета. Война велась за ресурсы и знания, за обладание умами населения, которое к тому моменту составляло двадцать миллиардов человек. Итогом войны стало разделение мира на два полярных лагеря с принципиально разными подходами к жизни. Америка и Европа, а также ряд некоторых западных стран, приняли за основу государственности Теорию Аналитического Регулирования, так называемую ТАР, разработанную альянсом из крупнейших технологических корпораций США. Часть стран, принявших теорию, объединилась в альянс под названием Новые Штаты Запада (НШЗ) и провозгласила полный разрыв отношений с внешним миром. Основной лозунг ТАР звучит

так: «Каждый счастлив на своём месте». С помощью максимально точных тестов, включающих в себя нейробиологический подход к определению предрасположенностей новорождённых, удалось создать систему по распределению населения относительно их способностей – генных, умственных, физических, психических. Так называемую Машину – именно так упрощённо звучит в народе весь механизм по распределению. Система работала в тестовом режиме в некоторых регионах на протяжении десяти лет. За эти годы экономика отдельных кластеров возросла до рекордных показателей, а уровень жизни населения и вовсе стал беспрецедентным. Затем систему начали внедрять повсеместно на территории НШЗ, возведя её на законодательный уровень. Это случилось в две тысячи сорок пятом, шестнадцатого июля. И принятие этого закона считается моментом, когда история нашей планеты сделала резкий вираж, навсегда изменив человечество. Ещё через шесть лет экономика НШЗ была полностью перестроена – модернизированы финансовые институты, исчезли наличные деньги и чеки, видоизменились рынки. Внедрение Персональных аналитических чипов (ПАЧей) позволило выйти на новый уровень в развитии альянса. Всем новорождённым присваивался класс в зависимости от данных теста – рабочий, учёный, военный, чиновник и так далее. Всего двадцать шесть классов с девятью тысячами подклассов. Новорождённым вживлялся ПАЧ, и они жили себе спокойно до совершеннолетия, получая только то обра-

зование, которое будет им полезно в жизни. Система образования также резко изменила вектор – каждый класс получал лишь ту информацию, которая была необходима ему для выполнения рабочих функций. Для кого-то не было таких предметов как история, философия, биология. Другие не знали математики, правописания и физики. Дети начинали работать уже в десять лет, вступая на путь трудовой деятельности, которую определяла Машина. До конца своих дней они были обязаны работать только в этой сфере, получая повышения или переводы лишь в рамках избранного класса. Система ПАЧ помогала осуществлять контроль и вести статистику, она стала основой экономики, давая возможность пользоваться любыми благами тем, чей рейтинг позволял это. На первых этапах система, основанная на Теории Аналитического Регулирования, показала свою эффективность. Полностью исчезли безработица и голод – основные проблемы прошлого мира. НШЗ сделали резкий рывок вперёд по сравнению с остальным миром. Экономика росла, все финансовые показатели стремились вверх. Но так продолжалось недолго. Система государственного управления подвергалась постоянным реформам. Коллегиальное управление, при котором во власти состояли представители всех классов, имеющих равные возможности, претерпело за несколько лет значительные изменения. Сначала из Совета Правления были исключены все рабочие классы, которые оттеснили в города, а затем во власти и вовсе остались лишь представители

могущественных корпораций. Вскоре полномочия регионов были сильно урезаны, а основная власть была сосредоточена в центре – в Первом городе. Полномочия полиции, армии и спецслужб росли, прав у людей становились с каждым годом всё меньше. Всего за каких-то девять лет НШЗ превратились в тоталитарное государство, где в руках небольшой горстки людей была сосредоточена абсолютная власть. – Лектор сделал глоток воды. – Картина современности писана в мрачных тонах, Тони. Это знает каждый рабочий в каждом городе. Двадцать миллионов человек в Тридцать Втором трудятся каждый день, чтобы избавиться от отходов, которые привозят туда со всей страны, в то время как люди в Первом городе не знают, чем себя занять и как потратить лишние кредиты. Перекос системы налицо и это только цветочки.

Тони слушал внимательно – волнение перебивалось негодованием, негодование забивала злоба, злоба перерастала в облегчение. Облегчение оттого, что он больше не часть того мира. Затем приходила тревога. За тех, кто остался там. Двадцать миллионов человек жили на помойке. Двадцать миллионов человек мечтали повысить свой рейтинг хотя бы на единицу, в то время как здесь, в Первом городе, люди не знали, что с этим рейтингом делать.

– Я бывал в Тридцать Втором, – протерев очки, продолжил Октавиан и заглянул Тони в глаза. – Лет десять назад, может больше. Бывал почти во всех городах НШЗ с рабочими, так сказать, визитами. Где-то совсем худо, куда хуже,

чем в Тридцать Втором: маргиналов отстреливают как собак, люди гниют заживо близ атомных станций, лекарств от рака и ВИЧ не сыскать. Где-то люди ещё радуются жизни. В целом же Первый город отдалается от прочих поселений семимильными шагами, и этот разрыв будет расти и дальше. Жизнь здесь становится лучше с каждым днём, но как долго будет продолжаться этот рост?

Два часа пролетели незаметно. Тони покинул аудиторию, поглощаемый думами – о том, кто он такой, как он влияет на этот мир и почему именно он сегодня оказался здесь. Он упивался каждой минутой, проведённой в этом месте, восхищался каждым встреченным человеком. Октавиан догнал его в холле, когда Тони проходил мимо монумента с руками. Старичок поравнялся с ним и проговорил:

– Вы не задали ни одного вопроса за всю лекцию. Мне показалось это странным. Обычно слушатели спрашивают меня, если им что-то непонятно.

– Я не задал ни одного вопроса, потому что их было слишком много, – ответил Тони. – Я чувствую себя таким маленьким, когда слышу все эти разговоры про мир, изобретения, политику, систему. Неужели один человек в состоянии влиять на эти глобальные проблемы?

– О, ещё как в состоянии, – улыбнулся Октавиан. – Тебе ещё многое предстоит постичь, Тони. Ты проходишь этот путь поздно. Прочие жители Первого получают всестороннее образование до шестнадцати лет.

– Зачем мне всё это знать? Разве для должности, которую я получил в компании, необходимы подобные знания?

– Кто знает, где ты будешь через месяц? Я здесь, чтобы дать тебе толчок, подкинуть знания, а уж как ты распорядишься полученной информацией, зависит только от тебя. – Октавиан хлопнул Тони по плечу и был таков.

Тони отправился в кафетерий, который расположился в восточном крыле здания. Он взял капучино и круассан (денег за это в «Микромире» не брали) и уселся за свободный стол.

– Вот ты где, – Клео появилась внезапно. Она присела напротив и уставилась на него. – Ну как?

– Что «как»? – спросил Тони и оглядел её – всё те же розовые волосы, всё так же резко подведены глаза. Он был рад видеть знакомое лицо в этом новом для него мире.

– Как первая лекция с Октавианом?

– Хорошо. – Тони откусил круассан. – Познавательно.

Ответ её явно не удовлетворил.

– Бросай свой ланч и бегом к Тиберию, – резко выпалила она и поднялась.

– К кому? – переспросил Тони.

– К создателю «Микромира», – пояснила Клео. – У него есть свободные пару минут. Хочет познакомиться.

– Со мной?

– С тобой, с тобой, любитель выпечки, – усмехнулась она. – Ноги в руки и вперёд. Это твой дебют, так что не под-

качай.

Они поднялись по лестнице на четвёртый этаж, прошли по коридору мимо кабинетов руководства и попали к двери с надписью «Комната для медитации». На двери красным горела табличка «Не входить». Клео вошла. Тони вслед за ней. Они попали в просторную белую комнату с лёгкой подсветкой по стенам. Пол здесь был устлан мягким ворсистым ковром, окна отсутствовали. Стояла полнейшая тишина, как будто комната эта оказалась полностью изолирована от мира. У входа виднелись сильно поношенные белые кроссовки. Клео скинула свои кеды, Тони последовал её примеру. Они прошли вглубь, где Тони увидел сидящего на фоне фикусов в позе лотоса человека. На вид ему было лет тридцать – полноватый, с бледной кожей, под глазами синие пятна. Волосы кудрявые, пышные, глаза маленькие, нос картошкой, на щеках виднелись мелкие угри. На нём была затасканная зелёная футболка и чёрные джинсы. Всем своим видом человек этот напоминал какого-нибудь бедного компьютерщика, но уж никак не главу одной из крупнейших корпораций в мире.

– Привет, Клео, – не открывая глаз, проговорил молодой человек тихим, спокойным голосом. – Привет, новичок.

– Добрый день, – ответил Тони и поглядел на Клео. Она улыбнулась.

Человек открыл глаза, внимательно посмотрел на Тони, затем надел лежащие рядом очки и медленно поднялся.

– Тиберий, – протянул он руку. – Создатель.

– Тони. Очень приятно.

Они обменялись рукопожатиями. Тиберий выглядел уставшим и слабым, но один только его взгляд заставил Тони поёжиться от возбуждения. В этих глазах скрывалось столько потайных знаний, что сделалось неловко даже от нахождения с ним в одной комнате. Он создал всё это. Создал «Микромир», корпорацию, которая правит всем государством. Невероятное чувство. Была у этого человека ещё одна отличительная черта, от которой Тони стало не по себе. У него отсутствовал рейтинг. Никогда раньше он не встречал людей без рейтинга, никогда ещё он не видел людей без ПАЧа.

– Вот так всегда, – усмехнулся Тиберий. – Клише разрушает наши жизни. Ну как может быть приятна встреча с типом вроде меня?! Хотя об этом поговорим как-нибудь на досуге. Как тебя здесь приняли?

– Всё прошло отлично.

– Это радует, – кивнул создатель, задумавшись. Он казался слишком отрешённым от мира, чтобы беседовать о подобных бытовых вопросах. – Надеюсь, что отлично будет и дальше. Что ж, – он вновь посмотрел на Клео, – я бы хотел пройтись с Тони немного. У меня есть лишние полчаса, так что, думаю, нам обоим это будет на пользу.

– Моя любимая комната, – говорил Тиберий, – это комната для медитаций. Тихо, прохладно, без людей и запахов. Там нет ни камер, ни ИИ. Лучшее место для уединения, для мыслей. Большинство же предпочитает проводить время на свежем воздухе.

Они шли по вымощенной из белого камня дорожке. Парк «Микромира» утопал в зелени. Аккуратно подстриженные лужайки, мандарины на деревьях, цветочные клумбы, перебегающие дорогу белки. На газонах сидели сотрудники, погружённые в свои планшеты. Какое-то время шли молча. Тиберий давал Тони возможность насладиться местной культурой, и Тони был благодарен ему за это. Всё здесь было пропитано духом свободы, люди вокруг казались счастливыми и целеустремлёнными. Они общались с таким напором и энтузиазмом, что и сам Тони заряжался от их энергии. Он поглядывал на молчаливо идущего по левую руку Тиберия, который, будучи в этом месте самым главным, да и вообще человеком весьма влиятельным, просто прогуливался рядом с мусорщиком и разделял с ним наслаждение чудным солнечным днём.

– Я создал «Микромир», когда мне было шестнадцать, – вдруг проговорил Тиберий. – Маленькая конторка в гараже и один вдохновлённый программист. Классика жанра, –

он хмыкнул. – Какие-то изобретения отца удалось использовать для старта, что-то приходилось заимствовать у других, а что-то пришлось придумать самому. Сначала я создавал развлекательные безделушки вроде дронов и планшетов для детей. Потом меня выгнали из университета, и родители решили, что я не гожусь в учёные. Отобрали гараж, отобрали деньги, я начал водить знакомство с людьми, принадлежащими, с точки зрения общества, к странным социальным течениям. Найдя единомышленников, я вновь начал изобретать, и уже через год мне удалось создать первый экспериментальный ПАЧ. Ещё год мы ездили по конференциям, предлагая вложиться в наше дело крупным компаниям. Первые сто ПАЧей мы выпустили, получив свои сто тысяч кредитов на развитие. Через полгода я уже выкупил «Микромир» у инвестора, став его единственным учредителем. Контракт на снабжение ПАЧами нового поколения первых трёх районов города Тридцать Два «Микромир» получил, когда мне было двадцать. Самые неблагополучные места, окраина. Люди, каких не жалко, если что-то пойдёт не так. А-29, А-27 и А-25. – Он остановился, сорвал с дерева мандарин и понюхал его. – На сегодняшний день каждый новорождённый в Тридцать Втором оснащается ПАЧами от «Микромира». Из двадцати миллионов жителей мы снабдили нашими устройствами шестнадцать. Это сделало «Микромир» одной из самых быстрорастущих и перспективных компаний в НШЗ. Мы ворвались в число лидирующих корпораций и стали при-

нимать участие в управлении этим государством. Такова моя судьба, Тони, а что насчёт твоей?

– Моя немного скучней, – улыбнулся Тони.

– Ты здесь не просто так. Что бы ты сделал, если бы тебе дали возможность изменить этот мир?

– Я бы его изменил, – тут же ответил Тони.

– Серьёзно?

– Да.

– И не испугался бы?

– Не знаю, может быть.

– Этот мир требует перемен. Он молит о переменах, но никто его не слышит. Никто, кроме меня. Я собираю команду, которая пойдёт за мной в поход, и в конце пути нас будет ждать дивный новый мир. Я знаю, Тони, так оно и будет.

– И я готов помочь! Спасибо, что доверились мне и приняли на работу. Я буду стараться, вот увидите. Я не подведу.

Тиберий как-то странно посмотрел на него, улыбнулся и молча отправился прочь, оставив его наедине с собой.

* * *

Вечер выдался тёплым. Весь день Тони думал о разговоре с Тиберием, весь день он ходил под впечатлением от той силы, которая исходила от этого человека. Это казалось ему чем-то невозможным, невообразимым, как будто он попал на страницы книги. Две лекции о структуре компании, о её

департаментах, о деятельности за последние пять лет и планах на ближайшие десять также прошли на одном дыхании. Тони вернулся в кампус к пяти часам вечера и тут же погрузился в чтение. Сначала он принялся за «Отверженных», книгу Гюго, которую он так и не успел начать в Тридцать Втором. Затем, прочитав шесть страниц, Тони переключился на «Голодные игры», но продержался не многим дольше – пять страниц, а после и вовсе открыл «Государя» Макиавелли. Впервые в жизни ни одна из книг не усваивалась. Возможно, виной всему была сама обстановка, а может быть, Тони метался между тысячами книг, доступных для чтения в Сети, чего он и представить себе не мог, дорожа одной-единственной потрёпанной книжкой с изорванными страницами.

Он отложил планшет, осилив лишь первые три страницы «Государя», и выглянул в окно. У бассейна во дворе развернулась настоящая вечеринка – сотрудники «Микромира» жарили мясо, пили пиво, танцевали, общались, плавали в бассейне. Тони улыбнулся, увидев среди них знакомых менеджеров, которые ещё утром с важным видом сидели за своими рабочими местами. Кто-то махнул ему рукой, приглашая присоединиться, но он, махнув в ответ, отправился в кровать. Нет, только не сегодня. Он снова активировал планшет и устался в текст. Они всё это знают, эти менеджеры. Они изучали это в юности. У него такой возможности не было, и поэтому барбекью могло и подождать.

Глава 6

В кабинет директора по связям с регионами набилось по меньшей мере человек двадцать. Окна выходили в парк, открывая чудный зелёный вид прилегающей к Кубу территории. Сам кабинет, как почти всё убранство в компании, представлял собой аскетичное пространство с минимальным набором элементов для комфортной работы. Коллектив, сплюснутый в одну кучу у входа, толпился напротив троицы, которая разместилась близ окна. Клео, Тони и директор по связям с регионами, престарелый Паоло. Это был человек, который с трудом вписывался в философию «Микромира» – по возрасту он превосходил каждого сотрудника почти в три раза, разве что кроме Октавиана, по внешнему виду он сильно контрастировал с юношами в просторных джинсах и футболках, нося отглаженные дорогие костюмы. Он был выбрит, свеж, несмотря на годы, достаточно суров, но умен и опытен, в чём и проявлялась его ценность для компании. Тони слышал, что Паоло когда-то был близким для Тиберия человеком, даже в некотором роде наставником. Многие связывали именно с этим его непоколебимый статус в «Микромире».

– Коллеги, – начала речь Клео, – сегодня мы рады представить вам нового сотрудника департамента по взаимодействию с регионами. Прошу встречать – Тони. В мире появил-

ся новый человек с классом «менеджер»!

Раздались овации, подбадривающие выкрики. Молодые люди свистели, улыбались, всячески приветствуя новичка. Хлопал и сам Паоло, который начал речь, после того как утихли овации.

– Работать здесь, – голос его был хриплым, но властным, – честь для любого человека. Эта организация создавалась как платформа для талантливых и успешных, как возможность реализовать потенциал каждому, в ком есть искра. И мы рады, что в наших рядах теперь есть такой человек, как Тони.

Снова раздались овации. Паоло пожал Тони руку.

– Наш департамент представляет «Микромир» в регионах, коих в НШЗ сорок один, – продолжил Паоло. – На крупные города отведено по одному сотруднику, а иногда и по несколько на один. Также одна единица может взять кураторство сразу над несколькими мелкими городами. Ты, Тони, будешь отвечать за город Тридцать Два, надеюсь, не нужно объяснять, почему. На этом участке ты будешь работать вместе с Ингваром.

Светловолосый молодой человек кивнул. Тони кивнул в ответ.

– А теперь, – сказал Паоло, – настало время приниматься за работу. Тони, прошу тебя остаться.

Сотрудники покинули кабинет директора, Клео также удалилась. Паоло прошёл к своему столу, медленно уселся, натянул круглые щегольские очки в золотой оправе и внима-

тельно усталился на Тони.

– Я всегда доверял Тиберию, и я полностью согласен с мнением, которое бытует в высшем обществе о его гениальности, – проговорил он тоном, который в корне отличался от той приветственной речи, что Паоло произносил пару минут назад. – Я – самый старый в «Микромире» сотрудник и работаю в этой фирме дольше других, не считая самого Тиберия. Иногда он принимает решения, мотивация которых ясна ему одному. В большинстве случаев эти решения в будущем оказываются оправданы. Изредка эти решения становятся ошибочными. У меня не было надобности в новых сотрудниках, мой департамент полностью укомплектован и показывает рост по всем статистикам. Но прибегает Клео с распоряжением генерального директора о том, чтобы я нашёл место для очередного менеджера. Менеджер этот без особых задатков, без биографии, да ещё и без опыта. Против СЕО я никогда не шёл и не собираюсь, так что теперь ты здесь. Признаться, не люблю, когда дела делаются вот так, но я обязан тебе об этом сообщить, чтобы ты видел всю картину. Мне пришлось создать рабочее место, дополнительное, специально для тебя, Тони. По сути, в отделе по Тридцать Второму городу и без того работы не так уж и много, так что будете драться с Ингваром за каждый лакомый кусок, лишь бы не бездельничать. Я не запугиваю тебя и не стараюсь унижить, просто я очень хочу, чтобы и на этот раз выбор Тиберия оказался оправдан.

Тони молчал, внимательно слушая своего начальника. Человеком он оказался прямым и малоприветным, да и в целом ситуация для самого Тони была не совсем ясна.

– Что ж, – Паоло улыбнулся и встал, – желаю успехов на новом рабочем месте! Удачи тебе, малыш!

Тони покинул кабинет начальника, направляясь к своему рабочему месту в общем зале, где работали менеджеры департамента. Как таковых рабочих мест не было – каждый работал там, где хотел. Кто-то сидел на подоконнике, кто-то в полулежачем состоянии развалился на мягком мешке с планшетом в руках, иные и вовсе предпочитали находиться на свежем воздухе, работая в парке. Ингвар, завидев Тони, подскочил к нему.

– Привет, – протянув руку, сказал он, и Тони эту руку пожал.

Это был высокий и худощавый парнишка, ровесник Тони. Кожа его была белой с веснушками, он носил жёлтую свободную футболку и широкие тёмные брюки.

– Ну что, уже освоился? – спросил Ингвар, стараясь быть вежливым.

– Пытаюсь.

– Слушай, ты, если что, спрашивай, обращайся, – запинаясь, предложил менеджер. – Я всегда здесь, помогу, конечно.

– Спасибо.

Они стояли молча какое-то время. Ингвар переминался с ноги на ногу, не решаясь о чём-то спросить.

– Как тебе босс? – вдруг выпалил он.

– Строгий, судя по всему, – ответил Тони. – Но у меня были боссы похуже.

– Я слышал, что ты из Тридцать Второго. Ну и... как там?

– В Тридцать Втором? Несладко. Ты не был там?

– Кто? Я? Нет, конечно! – замешкался Ингвар. – Ну, то есть я не то чтобы брезгую или боюсь, просто я всю жизнь прожил в Первом, а про те места такое рассказывают...

– И почти всё правда, – не дал ему договорить Тони.

– Да, правда... Слушай, тут поговаривают, что за тебя сам Тиберий просил, – он сглотнул. – Не за каждого просит такой человек... В смысле, такой масштабный. Я лично никогда с ним не разговаривал, как и многие менеджеры. Просто я волнуюсь за свою работу, ну ты понимаешь, может, тебя прислали на моё место...

– Это вряд ли, – пожал плечами Тони, – можешь не волноваться на этот счёт. Мне нужно быстро вникнуть в дела и начать работать, ты не поможешь мне?

– Конечно, я же сказал, что всегда готов...

– Ну и славно, с чего начнём?

* * *

– Двадцать девять жилых районов города Тридцать Два, – показывал карту Ингвар. – Один административный и два промышленных. А-1, где расположены органы управления,

находится на севере, на границе со Стеной. Южнее – Б-2, там сосредоточена пищевая промышленность. Б-3 – район свалок, самый масштабный, занимающий более сорока процентов территории города, он на юге.

– Я всю жизнь прожил в районе А-17, – сказал Тони, изучая карту. – На работу в Б-3 ездил на закрытом поезде, так что ты знаешь этот город лучше меня.

– На этом участке мы занимаемся вопросами по технической поддержке ПАЧей «Микромира», которыми пользуются жители города, регулируем правовые вопросы с губернатором и правительством, а также вопросы маркетинга и продаж. Вся связь «Микромира» с городом Тридцать Два осуществляется через наш департамент.

* * *

– А где Ингвар? – спрашивал человек в плетёной шляпе, изображение которого появилось на экране планшета Тони. У человека из «Зелёной долины», сельскохозяйственного района города Тридцать Два, были пышные забавные усы, красные щёки и маленькие добрые глазки.

– Меня зовут Тони, и я теперь занимаюсь участком, которым до этого занимался мой коллега, – ответил Тони, стараясь следовать корпоративным скриптам, которые были написаны для общения с партнёрами.

– Да что б вас там всех разорвало пополам! – выругался

мужчина и сплюнул на землю. Тони стиснул губы, отпрянул от экрана, но собрался. – Только к одному привыкаешь, как новый появляется. Ну что за беда!

– Чарльз, я постараюсь помочь вам, – проговорил Тони в микрофон. – Что у вас за проблема?

– Чарльз я для чужих, – ответил фермер. – Для своих – Чарли. Раз уж мы теперь на связи с тобой, Тони, называй меня так. Ничего лично против тебя не имею, но Ингвар мне нравился – славный был парнишка.

– Я постараюсь быть не хуже, – улыбнулся Тони.

– Во-во, – рассмеялся Чарли, – мой профсоюз разрывается между «Микромиром» и «Зелёной Долиной», так что, Тони, постарайся сделать так, чтобы все контракты остались в силе.

– Для этого я здесь. Так что вас волнует?

– Последнее обновление, – рявкнул фермер и скорчил мину. – Жуть какая жопа. Что с вами там такое?

– Я изучил отчёт об ошибках, – открыв окно с отчётами, сказал Тони. – «Обновление 12.8» имеет повышенную эффективность работы ПАЧа, а количество ошибок за период на двенадцать процентов меньше...

– Стоп, стоп, Тони, – прервал его Чарли. – Ну не грузи ты меня этими цифрами. Мы же нормально общаемся. Эту туфту будете на своих презентациях задвигать. Я тебе по факту говорю – люди жалуются. Не всегда правильно зачисляется рейтинг, не всегда правильно списывается. Я собрал все

данные и сейчас их тебе перешлю. Ты, дружок, покумекаешь над этим со своими умниками, и вы, как я надеюсь, выкатите мне достойный фикс.

– Чарли, мы изучим детали и сделаем всё, чтобы устранить ошибки, – принимая файл, ответил Тони.

– Куда же вы денетесь, – рассмеялся Чарли. – На кону контракт на пятьдесят тысяч ПАЧей. Лишиться его – будет больно даже для «Микромира». Кстати, ты откуда?

– Что, простите?

– Откуда сам, Тони?

– Из Тридцать Второго.

– Да ну?! Из какого района?

– А-17.

Чарли присвистнул.

– Так что ж ты сразу не сказал? – обрадованно спросил он. – Земляки мы, выходит.

– Выходит так, – улыбнулся Тони.

– Ну, бывай, земляк, – Чарли махнул рукой. – Время бежит, а работа сама себя не делает. Поработайте как следует там и сделайте всё красиво.

– Удачи, Чарли! Я свяжусь, как только получу какую-нибудь информацию.

Чарли отключился. Тони откинулся на кресле и посмотрел на стоящего за планшетом Ингвара.

– Ну как я? – спросил он.

– Для стажёра, который работает две недели, зачётно, –

ответил тот. – Я пытался наладить с ним коммуникацию почти месяц. Непростой дядька, но если подружишься – просто улёт.

– Не пойму, почему он диктует условия, если решение о ПАЧах всё равно принимается на уровне губернатора?

– Губернатор заключает контракт от лица города, но на основании данных, которые ему подаются из районов, – пояснил Ингвар. – Обычно это делают префекты, но в некоторых районах, таких как Б-2, где профсоюзы имеют большую власть, заявки формируются самими профсоюзами. Да и вообще у Чарли весомый авторитет в Тридцать Втором, так что нам даны прямые указания от босса – «вылизывать его задницу добела». Это, кстати, прямая цитата.

* * *

– Результаты работы за месяц, – проговорил Паоло, просматривая статистику, – неутешительные. Все показатели по Тридцать Второму снизились. И теперь передо мной стоит дилемма, Тони, – дать тебе ещё один шанс, отправив на полноценную работу менеджера, и подвергнуть риску всё предприятие, за которое я несу ответственность. Подвергнуть риску свой авторитет и те результаты, которых я добился за многие годы работы, или... – он впился в Тони резким ястребиным взглядом. – Или же ходатайствовать перед департаментом персонала о твоём переводе в другое подразделение,

а быть может, даже и поднять вопрос об увольнении. Несомненно, если бы ты был простым парнишкой «с улицы», я бы так и поступил, ведь это тебе не какая-то мелкая контора, а корпорация национального масштаба. Но за твоей спиной стоят большие люди, сам Тиберий даже пару раз справлялся о тебе, и поэтому я дам тебе ещё один шанс. Всего один, Тони, запомни это, хоть я и не верю в то, что ты сможешь что-то изменить. Ещё через месяц мы снова будем сидеть здесь, обсуждая цифры, которые ты принёс. Эти цифры должны меня шокировать, тебе ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.